

Ксения Щербино

ЦИНИЗМ ПРОПОРЦИЙ

литературная
серия
poesii.net

Санкт-Петербург
«Геликон Плюс»
2005

Щербино, Ксения.

Цинизм пропорций. *Стихотворения.* — Санкт-Петербург, «Геликон Плюс», 2005. — 140 с.

ISBN

Литературная серия **poesii.net**

Составитель серии Светлана Бодрунова

© К.Щербино, текст, 2005

© Э.Войцеховская, предисловие, 2005

© С.Бодрунова, оформление, 2005

© «Геликон Плюс», 2005

Звук и знак

Девушка бежит по Парижу, тонкие каблочки едва удостоивают внимания клавиши мостовой, светлые локоны раскиданы ветром. Пренебрегая фуникулером, легко взлетает на монмартрский холм, все мозаики знает наперечет. Где-то между дилеммами нового времени проглядывает вечность и игриво сыплет своими вавилонскими оксюморонами.

Ты что вчера делала?

Переводила с английского на французский на полоно-индийских встречах.

Верх и низ совпадают только потому, что отсутствуют. Можно смело спускаться в долины, а то и ниже. Метрополитен — Вавилон наизнанку — рад восторжествовать и обезличить все в тотальном попури, но даже во всеобщем случаются нерастворимые, непоглощаемые, неизменно чуждые вкрапления. Девушку зовут Ксения, в руках ее откуда ни возьмись появляется геральдический карандашик, и так же, откуда ни возьмись, на случайном листе проступают буквы. Посреди столпо-творения рождается стихо-творение; путь к истокам версификации может завести и подальше Вавилона, но границей его всегда будет сам стих, ибо это поэтическое предисловие.

Стихи рассыпаются витражами, сотнями разноцветных стеклышек, пестрых, светящихся, прекрасно подогнанных друг к другу. Магический шар гадалки или блики дискотечного шара? — всего понемножку. Если используешь всю палитру целиком, неизбежно обнаружатся тона, которые кому-то не придутся по нраву. О бесконечности ли речь? Вряд ли. Но край неразличим. Это очень особые стихи. Настоящие — видно сразу.

*Господи, пощади, пожалуйста, канатоходца,
в горле его колодцы, когда он плачет,
кольца, когда смеется.*

У этих стихов нет предыстории, за ними не стоит школа. По поводу заимствований можно разве что усмехнуться тому, что перчатки в теплых краях надеваются редко, зато от близорукости никуда деться, если человек по-настоящему зряч.

*глотала горячий кофе и слушала джаз.
с трудом засыпала. во сне покупала линзы
зеленую в левый, лиловую в правый глаз
проснулась ослепшей и вовсе отвыкшей от жизни*

Новомодный отказ от больших букв и знаков препинания — это попросту возвращение к пра-времени, не знавшему маюскул, с его равномерностью четких символов на скрижалях и свитках.

Это должно бы петься. Пусть эпоха предпочла звуку знак, но мелодия все же слышна. Станным образом, черные знаки на белом и плоском способны пробудить многоцветие звуков, обольстительную полифонию.

Прозрачный пластик, авторские договоры и даже синхрофазотрон — от атрибутов дня никуда не деться. Но как проникают в парижскую подземку дикие древние ритмы, откуда берутся в мансарде на представить-страшно-каком этаже обрывки жреческих гимнов? Они просто есть, присутствуют повсюду, все пронизано ими, имеющий уши да услышит, имеющий карандаш да запишет. Острый глаз углядит среди букв тайные меты, которые и отличают необычное от обычного.

* * *

Обычное туманно как никогда. Во все времена, во всяком относительно цивилизованном обществе, имелось два вида поэтов: ученые и народные. Ныне от дуализма не осталось и следа. Современный поэт — варвар, но не эволюционировавший из совсем уж питекантропа, а одичавший аэд. Увы, не рапсод. Зарвавшийся менестрель, куда там до барда с его академиями! Макро- и микровзгляд отсутствуют, границы вещного мира непреодолимы. Классические иерархии рассыпались в песок, поэзии никто не учит. Любая современная поэзия — по сути профанская и, в лучшем случае, стихийная. В худшем же — эпигонская: зарождается клан и порождает клонов. Невеселая ситуация. Несмотря на мнимое изобилие — пустоватая. Это значит, что подготовлена почва для первожречества.

Изучать историю поэзии по (чуть ли не всем) имеющимся пособиям — все равно, что теологию — по «настойной книге атеиста». Ну что же, бывало и такое. Профанизация и сакрализация — между этими двумя полюсами тоже натянута нитка истории. Профанизация поэзии дошла до предела. Сколько ни лукавь, не навешивай магниты, не изображай, что все в порядке, лгать надоест, магниты ослабеют, и маятник начнет отклоняться в другую сторону, если еще не начал.

Поэзия — это религия мессианского толка. Очень старая религия, никто уже не верит в чудеса. Но все-таки мир метит в клир, плюя на иерархии, клир деградировал, и тот, и другой заслуживают приставки «псевдо». Все смешалось, превратилось в тотальный хаос. Повсеместно.

Можно спорить, свойственно ли России то, что произошло с ней в 20-м веке. Что же касается искусства, процессы, происходящие в нем, достаточно синхронны по всему миру. Хочется верить, что поэтический мессия заговорит на русском языке. Предтечи, апостолы, побивание камнями — особые темы, хотя и смежные.

Русская поэзия доказала умение блюсти традицию. Хотя бы тем, что так и не отказалась от рифмы, пусть не очень отдавая себе отчет в ее смысле. Отказ от традиции только ради отказа от традиции, без того, чтобы попытаться понять ее смысл, — самый глупый и варварский акт, который может совершить артифекс.

Обратное не менее опасно. Четырехстопный ямба ради четырехстопного ямба порождает гекатомбы или, если угодно, гигабайты никому не нужной гладкописи. Ни «ниспровергатели», ни «блюстителю» не могут объяснить неправоту друг друга. Мы пришли к странному умозаключению: поэзия не объяснима исходя из себя самой.

Бывают периоды, когда радикальным является следование традиции, а не ломка ее. Сейчас именно такой период, ибо традиция утрачена, но следы ее видны там и здесь. Там и здесь, среди алюминиевых аполлонов и мраморных печных горшков, появляются живые ростки. Заметить их, понять, увязать с культурным контекстом, как настоящим, так и прошлым, затянуть лакуны и сакрализовать результат — вот путь современной поэзии, вот ее способ возродиться в первоизданной силе и красоте.

* * *

Национальная тема — естественная граница между микро- и макрокосмосом. В поэтическом смысле национальность — что-то вроде камертона, теста на чистоту голоса, нефальшивость. Можно разыграть любовь и ненависть, но не народность.

*что же ты, берегиня, не уберегла? у берега
не стояла? вырвала бы, вымолила бы, выманила,
море бы на измор взяла, из моря вывела,
в водоросли бы вырядила - вдруг не выдадут?*

Затем и нужен Париж — большое увидеть на расстоянии. Варшава, ровно посередине, — клеймо не на имени и не в паспорте. На душе? — нет, не клеймо, узор, проступающий время от времени, память о котором, как водяной знак, просвечивает сквозь все надписи.

*Прабабка моя забыла в Варшаве куклу.
Больше века прошло забыть бы ах нет же нет же
пусто в душе моей будто бы кто-то плачет*

Чуть подтянув фокус, натыкаешься на рискованный панславянизм. Когда подобное объединяется с подобным, это всегда чревато неприятностями.

*что это братья славяне мы все о муке?
что это сестры славянки мы все о боли?
это особая панславянская доблесть
так узнаются в беспамятстве други-подруги*

Горизонты продолжают раздвигаться. Вот уже мир стал не больше игрушечного ящика. Обуздать взбунтовавшийся универсум возможно только отразив его на него самого. Зоркий глаз предчувствует маленькое зеркальце.

*Ксения заснула и видит сон.
Чудится Ксене, что из сундука
Странные вещи она достает.*

И оно незамедлительно возникает. Чужое в своем. Осколок отчуждения. Маленькое зеркальце ренессансной картины, отражающее ее саму и зеркало в ней, и так до уютно упрятанной бесконечности.

*утром смотрится в зеркало, чудится в нем совсем
чужое лицо, сквозь которое виден весь
божий дом.*

Игры на этом уровне, четко определяющем телесные границы, — всегда театр, с его не очень-то разумным распределением ролей. Коломбины, Пьеро, настоящая смерть. «Давай сыграем: я умерла вчера». Неизбежна эпизодическая андрогинность, ибо всякий поэт, в сущности, беспол:

*мон генераль да-да я травести
что ж надо же кому-то быть мужчиной*

Темы едва намечены, обрывки жаждут завершения, не завершены:

*господи, пощади корабль, не ведающий причала,
руку, чующую адские уголья мангала,
шею, знающую ярмо солнечного монгола.*

*а душа свернулась в клубок, заснула и замолчала.
а ей не больно....*

Очевидно: книга — только начало. Но настолько прекрасное, что за юной колдуньей с дудочкой-карандашиком можно смело мчаться и в порыве доисторической дикости, и в костюмированном танце венецианских аллитераций.

Элина Войцеховская

TE DEUM

Гадание на картах Таро

...вместо того ты, прямо-таки как Протей, всячески изворачиваешься, принимаешь всевозможные обличья и в конце концов ускользаешь от меня...

_____ Платон, «Ион»

1А (0 — Шут)

ты не создан набело
ты наметан наголо
мертворожден заживо
сохрани тебя Господи
розовощекого
деревянного моего щелкунчика

1Б (перевернутый Шут)

ты умерумерумер. не вставай.
лежи. молчи. не приходи. не надо.
оставь меня, пожалуйста, оставь.
нет, это я, я мертвая лежу.
но все равно не приходи, не надо.

2 (1 — Маг)

наше сожительство напоминает парез
левого бока кровати — где мертво-простынно
утренний коитус с зеркалом — выживу без ...
выживу? — видимо....выживуполовинно.
дикий волчонок живущий под пятым ребром
снова проснулся заныл и затеял кусаться
скуку раскинула на разноцветных Tarot
выпала смерть. время жить без тебя и смеяться.
глотала горячечный кофе и слушала джаз.
с трудом засыпала. во сне покупала линзы
зеленую в левый, лиловую в правый глаз
проснулась ослепшей и вовсе отвыкшей от
жизни

3А (2 — Папесса)

тоска по женской ласке в каждом теле
что смеет быть неласково мужским
как мы с тобой спасти тебя хотели
от этой нежной женственной тоски
безумящей как бесполезно-белый
рассыпавшийся таящий жасмин
вызвончивающей до хрупкой мели
выбеливающей до дна реки
до дна ладони ладана коленей
и выхолощающей до немоты
(о если бы ты — я сказать не смею)
о если бы ты.....

3Б (Перевернутая Папесса)

эх, пыточка,
плеть китайская
ну признайся мне,
что ты выдуман
что ты вымучен
шелковым иероглифом
ложишься послушно
как пушистая
императорская собачка

4 (3 — Императрица)

отрубить бы мне голову а она с тобой говорит,
захлебывается
как будто бы не чужая тебе, как будто твоя любовница.

любовница. бабочка-капустница.
в полупрозрачное тело кутаюсь,
словно в реку.
вся серебряная
и такая хрупкая —
светящаяся пудра —
жасминовая пыльца.
любовница.
бабочка-капустница,
насаженная на булавку.

5 (4 — Император)

я хожу по дому в твоей рубашке.
мне хочется то смеяться, то кашлять
мне летуче, неловко, воздушно, страшно
я ощущаю себя бумажной
ты считаешь меня сумасшедшей.

6 (5 — Верховный жрец)

у меня взъерошенная челочка
ты похожий чем-то на волчоночка
тычешься мне в щеку и скулишь
что-то неразборчиво-легонечко
я сжимаюсь до полубутончика
раз-раз-раз стучу полуботиночком.
ты мне очень очень очень нравишься
ты твердишь — «п`жалста» пахнешь прянично

по-щелячи жмусь к тебе ладошками.
да хороший мой мне весело и боязно
и смеется-смотрит божье воинство
на мое на чертово венчанье

7 (6 — Влюбленные)

Спали валетом. Как пуля, снился навывлет.
Брал нахрапом. Молчала навзрыд. Молилась.
Держала насквозь. Целовалась почти наотмашь,
закрыв глаза. Думала, так и надо.
Спать уходил в смежную комнату. В
Смешную смежную жизнь. В смешную
женщину с лицом итальянской фрески,
прозрачным, подснежным, резким и очень старым.
Спали вместе. Я гадала на картах.
Ты выпадал валетом, я дамой, и все — навывлет.

8 (7 — Колесница)

выживет ли меч, перекованный на орало?
вытянет голос сопрано ангельского вокала?
выдержит тело кройку божиего лекала?

господи, пощади корабль, не ведающий причала,
руку, чующую адские уголья мангала,
шею, знающую ярмо солнечного монгола.

а душа свернулась в клубок, заснула и замолчала.
а ей не больно....

9 (8 — Правосудие)

целоваться, растапливать профили полыньи
до хрупких фиалок, а в них мои
до лунной латуни вытертые зрачки
испуганной девочки

тонкие белые лилии в теле беречь, они
шуршат, распускаются изнутри
тело их не вмещает, выпячивает грудь, живот
просвечивает кружевом

а они шуршат, щекочутся, мешают тебе рассказать...
(девочка, ну зачем тебе оглушительная тоска?)
(болела, любила, не помню, может, и был, просто спала...)
за щекой — стручок бутона, в нем имя ангела....

10А (9 — Отшельник)

Платье щерится сразу разрезом и вырезом
ты похожа на нервную злую лису
я тебя вынесувынесувынесувынесу
и пронесупронесупронесупронесу —
бьющуюся кусающуюся — в свой неуютный дом
спрячу от узких как будто гондолы гончих
я напою тебя допьяна молоком
и отпущу на свободу — а может с собой покончу.

10Б (перевернутый Отшельник)

белая насквозь. насквозь больная.
будто злая узкая лиса
мне вцепилась в горло и притихла
желтыми глазами без зрачка
спрашивая: что ты будешь делать
если он умрет?

11 (10 — Колесо Судьбы)

Слова раздавливаешь как виноградины
спяну не произносятся
я укрылатебяукралатебя — украден ты
а мне бы броситься в тебя броситься в тебя броситься
косточкой
раствориться в тебе расплавиться
обрастая тобой растаю в тебе
тайною
будешь картечью носить меня горечью — пыточкой
в правом боку печет — черт сидит — левый выдолблен
я прорасту в тебе девочкой с твоим личиком
с глазами тигренка лиловыми и сливочными
тинными — тянущими — тонущими — тлеющими
на самом доньшке черными черными черными
будешь носить меня горечью желчью верностью
жгучим стыдом будешь корчиться мучиться корчами
всепоглощающим жадным кромешным бешенством
выродишь меня кесаревым.

12 (11 — Сила)

знаешь, раньше боялись сглаза,
детей называли нелюб и лихо.
я думала: боль к заразе,
красное к красному, мука к юбке не липнет.
слишком часто звала любимым —

больше не назову.
раньше любила розы,
светловолосых ,старые вещи.
боялась чумы, темноглазых прохожих,
морщинистых женщин.
теперь мне не надо ни женщины, ни мужчины,
ни зверя дикого, ни ребенка.
если я буду, то лишь с тобой.
но с тобой я не буду.

13 (12 — Повешенный)

мой шелкунчик! посмотрите ж!
расправляю ситец платья
я волной брабантских кружев.
вы мне... нужен-нужен-нужен!
барабанно разрываюсь
от тревоги — звонкой, ложной.
вы смешно и деревянно
гладите плечо как кошку.
разве можно? как скорлупку
расколов на половинки,
стягиваю кофту — к черту!
ненавижу этот черный
шерстяной шемящий траур.
мама спит. какая сказка
совершается в сочельник!
осторожно, нежно глажу
ваши худенькие плечи.
можно я не буду важной?
можно я побуду — вашей?
чтобы вас от крыс сберечь,
я прорастила свою душу
в куст орешника, из ветки
смастерила эту дудку.
мой хороший! я кружусь по
комнате — неловко голой
перед ставшим незнакомым
вашим взглядом. вы домашний
бог-мой-самый-самый-самый
никому вас не отдам!

засыпаю, прижимая
дудку, дудку к пересохшим,
перепуганным губам.

14А (13 — Смерть)

свить позвоночники в костяную спираль:
ею ангелы рыжие спускались бы до земли
заходили бы к нам под ребра и пили чай
а я бы вырезала из сердца нео-розу ветров
нервюрным сводом скрутила ребра. из глаз
вырастила витражи (молчи. лежи
мне ни бога не жаль ни мать не жаль ни себя не жаль
смешные люди шарахаются как чумы
говорят что я умерла....)

14Б (Перевернутая смерть)

косточки-хрящички шеи перебираю четками,
медленно ощупываю, ищу самую хрупкую.
люди шарахаются: чокнутая, говорят, чумная, черная,
ласково улыбаются, смотрят в сторону.
а у меня от холода синие-синие губы.

15 (14 — Воздержанность)

Твою ладонь клюющие птенчики-плечики
С нескрываемой нежностью, нежностью, нежностью, жадностью.
В общем, девочка, даже более девочка,
Чем тебе кажется, может быть, и чем надо бы.
Гладишь узко, жалеешь, жалобно. Кутаюсь
В эту ласку — греюсь. Дрожу отчаянно.
У тебя сумасшедший взгляд, сумасшедший пульс.
Я тебя люблю. Улыбаюсь зелено-чайно и
Щекочусь щекой. Ты скуляще тычешься в шею и
Говоришь: «Пожалуйста!» — почему-то на древнегреческом.
Я смотрю на тебя вслепую. Выигрываю сражение
С собственным отражением. Девочка, слишком девочка.

16А (15 — Дьявол)

запах пота терпкий как ритм бразилии
а глаза у него изуверски синие
а руки такие сильные...

как взвивалось платьице визгом вальсиком
как скулила — пожалуйста, сдайся мне, сдайся мне
как вертелся шар земной

как щенячий хвост. причащалась воздухом,
катехизисом вытвердив каждую косточку
задыхаясь — гос-по-ди (н)

в каждом вздохе немой неизбывной нежностью
вжавшись в ребра лбом — словно в божью лестницу
(ибо каюсь, грешница...)

как с ума сходила; под кожи шершавым льдом
рыбки-желваки, ловила их жадным ртом.....
как в тебе обрела дом

16Б (перевернутый Дьявол)

шар свинцовый катать в животе — как в детстве в ла-
биринт-игрушке — лежать естественно
принимая боль руководством к действию
целоваться девственно —
исступленно паяться в потолок на нем
пятна плесени.

17 (16 — Башня)

не-жжж-ность не-жжж-ность
как в ящичке как коробочке
обшитой шелками-бархатом
расшитой серебром да бисером
четыре точеных косточки
беленькие да голенькие
то курочка или кошечка
то девочка или черт морской
стучат-стучат-перестукиваются
гремят-гремят да ласкаются
трахаются да тешатся

не-рррв-ность не-рррв-ность
кто-кто в коробочке живет?
кто-кто в мое сердце стучит
гремит шуршит говорит
приходит мешает мне спать?
невеста твоя открывай ворота
венчаться пришла за тобою пришла
стррра-ш-но стррра-ш-но
гремят в коробочке кости

как размахнусь коробочкой
оземь ее нечистую
плачущую и шепчущую
черную некрещеную

я-рррр-ость я-рррр-ость
ах суженый что наделал ты
как меня соберешь теперь?

18 (17 — Звезда)

я говорю с тобой на межнаречье
на нежноптичьем, не на человечьем
а ты смеешься, ты не понимаешь
ты кормишь меня пряником с руки

я пахну неестественно коричне
я лишь ночами открываю личико
я рассыпаю сахарную пудру
по комнатам, чтоб замести следы

я алых куколок леплю из воска
крещусь по-польски мелко «матка боска»
я вышиваю крестиком окно
от нечисти — чтоб в дом твой не пролезла

ты спишь, я разворачиваю сказки
в фольге — они шуршат на старо-датском
те буквы, что черчу я на пороге,
похожи на невиданных зверей

- ах, Анна, посмотри, смешная птичка
давай ее поймем?..

19 (18 — Луна)

косы отрастают быстро
память отрастает долго
я тебя еще не помню.
по щеке веду ладонью:
колко.
я тебя уже не помню.
вдоль затылка мчу ладонью
гончей
вещей
с каждым сном точней и тонче
пальцы.
молча
пропадают вещи
(лестницы, ключи) ключицы
прорастают сквозь одежды
латы.
сквозь лицо — фиалки
прежде —
знала: слажу.
выдюжу ли, слажу? — знать бы.

больно.
открываю сонник:
к свадьбе.

20 (19- Солнце)

хироманты канте хондо
пели по моей ладони
бормотали кружевные
одноразовые мантры
рисовали натюрморты
будущей счастливой жизни
раскрывали расписные
императорские карты
по которым выходила
мне судьба как у джеймс-бонда
открывали пра-пра-кем-то
перекрытые мне чакры
я же билась: к черту к черту
ничего-то мне не надо
никого-то мне не надо
кроме солнца моего

21 (20 — Суд)

раздеваться, путаться в пуговках, словно спеша
захлебнуться колючей шерстью, холодным шелком,
собственной неопалимой купиной щек, и
подглядывать за собою в зеркало. не дыша
и закрыв глаза, рисовать цветными мелками
собственную фигуру. Дега. букет апельсинно-рыжих
и голубых стеблей (пахнущих как-то бестыже
и рождественско-утренне, когда в еще сонной пижаме
бежишь к маме в комнату, прячешься под ее одеяло
и засыпаешь дальше). А за стеной
кто-то ходит, шуршит, хочет поговорить со мной, но немой,
смешной, невидимый, золотой и, кажется, семипалый.
знаю, как только засну, он осмелится подойти
с длинными, как павлинье перо, ресницами.
он мне снится, его тень похожа на птицу. еще мне снится
какой-то ребенок с глазами из серых льдин.
на канате красной как красный шерсти
расселись голуби и курлыкают: ave, ave
и мне страшно, страшно, и я хочу к маме, к маме.
я знаю, что этот ангел пришел говорить о смерти.

Ecce ancilla Domini.

22 (21 — Мир)

знаю, я чудо-зверь, я волшебный зверь
по моим следам следопыты идут и ловцы
зря изощренны безумные егеря
девы выходят мужество в пяльцах плести
зря: я не слышу дев и не вижу дев

я отвожу глаза цвета ясного янтаря
тайну свою храня — боль упрятав в мех

смерть моя живет на виду у всех:
есть человек на земле, ласковый человек
серебряной пулей ласка его для меня

23 (Расклад)

зимородок — смешная птица с человечьи-большим лицом
узким клювом и вырванным сердцем (боль-боль, не боли — не боли)
качается на зеленых волнах — диковинным колесом
поворачивает на восток, хранит далекие корабли.
а я иду по воде далеко далеко от земли
невесомая-невесомая-невесо....

нарисуй меня в золотом золотом золотом
саркофаге. как густав климт.

24 (te absolvo)

цунами в горле.
откуда — соловьиные жерла
ангельское сопрано
адское канте хондо?
я все чаще чувствую себя мертвой
черной жабой,
проглотившей белую розу,
разодравшую желудок.
я всегда буду помнить тебя как розу
даже если забуду все остальное
и не поверю, что розы вянут
ты для меня все равно останешься вечным
разве я могу подумать о тебе по-другому?

разве я смогу когда-нибудь подумать о тебе больно?

P.S.

Начальнику хора.

Тебе ли не знать, как я лгу!
как изощренный, как проклятый стеклодув,
я выдуваю образ твой, и слова
плавают как пузыри.
а любовь мертва.
алхимик гадает по розам на чет и черт
розы рисуют по памяти вихрь твоих черт
ты засыпаешь, я замираю, как прежде
бешенный зверь. при-стре-ли!
и мертва надежда.
как объяснить тебе, ангел? безумный бог
вертит венецианский калейдоскоп
веры, стеклышки складываются в слова
насквозь витражные, как Те Деум.
а я жива.

и синий голубь ест из моей руки.
я смеюсь и плачу.
имя мое — София.

TIPPI FISSI

**Le théâtre c`est comme la fellation:
il na fait aucun progrès
à travers les siècles**

театр
как фелляция:
за века никакого прогресса

из театральной программки

la vie en grise

качается на желтом стуле
околобниненный пьеро
и думает что он на льдине
во глубине вселенских вод
куда судьба его несет?
он думает о коломбине

о коломбине нежной робкой
она мечтает жить в коробке
рассыпчатой китайской пудры
в коробке стенки из сатина
там ни пьеро ни арлекина
никто не лезет к ней с любовью
никто не сделает ей больно
и можно выспаться одной

«...и кружатся пылинки пудры
и все качается пьеро
и неуклюже нежно любит
и бережно целует в нос
под осторожный скрип кровати
и мне не будет больше больно
и мне не будет больше больно
и мне не будет больше больно
я буду спать и спать и спать и...»

заснул пьеро на желтой льдине
сердечко биться перестало
скатилась голова на грудь
как будто яблоко упало
он женится на коломбине
когда-нибудь когда-нибудь

Баккародрама

давай сыграем: я умерла вчера.
ты жив, курилка — чудная есть игра:
шафрановый шарф, шампанское, лед, икра,
кусочек стали, растаявший в баккара,

ломтик лимона, взламывающий бокал
помнишь? поднятый ворот — солнцевзглядоудар —
пожароутренне. ралли Париж — Дакар
черноголовый змеинобортый драккар

моей машины точен как опечатка —
пантеробросаюсь. скомканно. без оглядки —
(в столб обернуться — выбелить солью сетчатку
распухших глаз.) К сожаленью, сегодня всмятку...

клубничнобанально «скончалась во цвете лет...»
длинный кортеж, перетянутый, как корсет
я еду зайцем. ты покупаешь билет.
мне интересно, во что ты будешь одет:

в черное? правильно, траур тебе к лицу.
смертеутоляюще — миленький, по-це-лу-
емся? Noch-ein-mal? Или со мною цу-
кера не хватает?..... дело идет к концу —

нервничаешь? А думаешь, мне не страшно
лежать неподвижно в вате и флердоранже
в невестно-белом? скошено-перекрашенной?
Мне смешно: меня похоронят заживо
в новом платье, присборенном от бедра...

ну же, милый! ты думаешь, не пора
признаться, что это игра и отбросить тра-
урные лицо и фрак? торопясь и бра-
вируя тем, что непра...
правда, хороший мой. я умерла вчера.

Господь чаи гоняет в марте

господь чаи гоняет в марте
в кофейне новой на монмартре,
он заряжает плоть солдата,
командует лениво: пли!
бегите девки по колодцам,
готовьтесь биться и колоться,
кричать, выкидывать коленца,
я выхожу на раз-два-три,
расставив руки, как распятый:
не спрятались — не виноватый,
и лоб тоски и лед спасенья
проломают страсти полыньи.
и грудь сомнет пегас крылатый,
и муза выйдет из ребра
и позовет на баррикады,
и грянет грозное ура.
появится робеспьерро,
безглавый, но с главой марата.
тюльпанно вывернув нутро,
распустятся на зев аорты.
и снова божии когорты
бьют в барабаны бытия
во славу плотского союза...

и ты, забавная моя
мартышка, материшься, муза...

Канатоходец и дева

Господи, пощади, пожалуйста, канатоходца,
в горле его колодцы, когда он плачет,
кольца, когда смеется.
в колодцы прыгают его девы,
а в кольца — тигры.
господи, он такой красивый, совсем пунктирный
на алом канате, что замирает сердце.
канат вымачиваю в крови, иначе он не удержится.
а он идет по небу. меня кошмарит.
бегу за ним по земле. держу за трико. как воздушный шарик.
вдруг он взлетит. упадет. уьется.
а он смеется, кольцаегоколокольца,
берет меня за руку и отпускает.
хорошо хоть кровь у меня цепкая — держит его на канате.
ночевать он будет в моей кровати.
метаться во сне.

боль отрастет щетиной.
с утра будет колоться,
раскроет свои колодцы,
я обязательно прыгну.

Скрипка Энгра

и боль и дурь и скрипка энгра
на ней пиликает ребенок
светловолосый вологубый
и скрипка плачет как живая
как деревянная молчит
кто ты стремглав в меня вошедший
необратимой брэнной болью
сквозные прорези оставив
в безмолвном дереве спины?

и блажь и ближь и безысходность
из тела женского во взрослом
и нежном возрасте. ребенок
что меж моих лопаток дремлет
и согревает и щеочет
мой напряженный позвоночник
а я не смею шевельнуться.

замри во мне последним звуком
неизвлеченным и увечным
беспомощным и бесполезным
не иссаднившим чьи-то пальцы
чтоб кто-нибудь играя после
тебя на странном инструменте
его как душу вызвал вынул
из хрупкого футляра тела
и душу новую вложил

и ты бы радовался смерти
как воздуху и возрожденью
как самой чистой из мелодий
как долгожданной глухоте
и наблюдал как сквозь прозрачный
телесный контур новый мальчик
во мне то молится то плачет
на твой болезненный мотив.

Tippi Fissi¹

В.Мкртчану

1
а ты все спрашиваешь — как она, моя?
зимой из неподатливого снега
лепила герда кая. обливала
водою на морозе и пыталась:
ты меня любишь? хочешь? или? или?
а он молчал как троцкий и расстаял
когда она с утра
в истоме жаркой
ворочалась во девственной кровати
тогда и роза мира облетела
и постучался к гердиной старухе
один студент страдающий ангиной
в младенчестве невинноубиенный
а герда встала и сказала: *кай*
галатион эльфийский снежный рыцарь
я вся твоя пигмейка пигматя
возьми меня сегодня же возьми
и вытащи пожалуйста осколок
мешающий моей душе узнать
что видят груди ускользнув случайно
из бархатной тесницы декольте.

2
а ты все спрашиваешь что за странный хохот
и вой и визг и нежное мычанье
кто носится по потолку кто свет не тушит
и душит спящих? это тинтажиль
боится темноты и умирает
а потому пытается увлечь
с собою во вселенскую воронку
кого-нибудь кому еще страшней

и он зовет невиданных зверей
неслышанною дудкой и они
бесшумные над городом проходят
сжимая осторожными зубами
кто мальчика кто девочку с игрушкой
любимой разлучив их и тогда

игрушки собираются на битву
отвоевать румяных невысоких
любовников своих своих любовниц
в ночнушках и пижамках кружевных
и плюшевые сонмы медвежат
печально маршируют под луною
а ты все спрашиваешь почему мне с детства
кружащаяся снится карусель

3

а ты все спрашиваешь как оно со мной?
а гризабелла плачется в жилетку
о все ее наряды божежмой
эпохи шелка пирамиды пуха
империя переживает крах
и остается только беладонна
остановись мгновение потрогай
живую плоть в которой ты когда-то
на срок недолгий обрело покой
потом тебя обманом усыпили
и задержали на еще чуть-чуть
потом еще немного и еще
потом был принц целующий устало
и чары спали. и один поэт
сказал: я помню чудное мгновенье
но ту в ком оно было не назвал
и среди всех изысканных вещей
оставшись лишь в одной ослиной шкурке
заучиваю наизусть: зараза
о жизнь моя о молодость моя
ты мне клялась что ни за что не бросишь
пожалуйста вернись. всегда твоя.

4

а ты все спрашиваешь, как оно со мной?
бумажная вертушка-балерина
кружась на ницшеанском барабане
чернявого чертенка оседлав
несется прямо в пламя — *режиссер*
советовал ей вжиться в персонажа
она станцует саламандру если
конечно выживет но барышня слепа
и беспощадна к собственному телу
за этим терпеливо наблюдает
безногий оловянный истукан

с торчащими ушами и улыбкой
что врезалась в румяное лицо
он автор этой милой мизансцены
но к сожаленью абсолютно глух
во всем что можно отнести — условно
конечно же — к душе и иже с ней
а потому не чувствует актеров
ни в роли ни по жизни и его
спектакли мертворожденны в зачатъе.

Прага-Вена-Венеция

1

буду любить тебя пражски-пражски
витражно — насквозь и насквозь куражно.
бумажно. прозрачно и штатски-блядски
кусаясь на карловом — клецки-ласки
без нежных женских протяжных гласных
а после шептаться как с детским сердцем
как с богом — с беззвучным бокалом богемским
в нем слышать — что немец назвал бы schmerz`ем,
а русский — смертью. И так по-женски —
о господи, больше терпеть нет мочи!
до раны сквозной дотерев бок гончей
и к ночи делаясь резче, звонче,
тоньше — шептать тебе желчно-жалъче
«средневеково-невлюбчив мальчик
Брунцвык». Выше ластясь, кошачьи,
невиннее становясь, невзрачней,
незрячей, кутаясь, как в рубашку,
в тебя — я люблю тебя пражски-пражски.

2

буду любить тебя венски-венски —
стеклярус, перья, жабо. разденысь.
с тобой — на крест, без тебя — повесься.
на каждый взгляд отвечаю резью
голодной. видишь: брезгливый месяц
в брюзгливом кофе с румяной брётхен —
живородяще рефлексно-рвотно
как если бы я зачала — но что-то
мешает. любила. была животным.
вгрызалась злобно как в цветчкенкрампус —
все выше. выше. последний ярус.
сейчас расплачусь. сейчас сломаюсь.
а за порогом начнется август,
застрявший в горле имперской втулкой
во мне в старинной резной шкатулке
застывшей музыкой гулко гулко
и пылко — до Штрауса и до вальса.
не золушничай на балу останься
со мною на ночь — смешной и резкий
Щелкунчик. люблю тебя венски-венски

3

буду любить тебя венециански
горстью бисера — атаманской
княжной выбрасываюсь и пьяно
смеюсь — как стеклянная как мурано.
я отражаюсь в тебе, отражаюсь
тысячами цветных мозаик
в воде — я большая уже, большая! —
и ноги раздвинула, как чужая
себе. ненавижу жалость!
ты мечешься-нервничаешь. я устала.
прячемся. что нам осталось?

ты панталоне а я баутта
ты баутта я коломбина
я коломбина ты панталоне
ты растерян а я в миноре
дело конечно же близится к ссоре
мы не более чем герои
переколпачена половина
шутов в ожидании чуда.
любовь к трем апельсинам
и некой анечке. снов и слова
праведник казанова! —
или я путаю с доном Жуаном?
феи кофе кентавры фавны
я не уверена в своей роли.
явление гратароля
падение гоцци — пусть согреются
старое глупое сердце
годы гондолы каналы качели
небо беру в свирели

сломай меня, глупенький! — хрупко, мелко —
смотри, я кукольная — подделка
под настоящую. кракелажем
исчерканная, флердоранжем
засыпанная и даже
спокойная, словно в сказке.
я надеваю маску —
ласково исчезаю венециански.

Свадьба в Париже

Володе Мкртчяну

мы выступаем в поход на Париж.
я, арлекин с бархатной ленточкой на запястье,
резиновый мячик, два оловянных солдата
из почетной гвардии Луи Пятнадцатого
или Шестнадцатого, с барабанами и парадными мундирами,
живой щенок, похожий на шоколадную мортиру
в кафе «Эстерхази», девочка с крыльями бабочки,
смычок от виолончели с разбитым сердцем,
проволочный дракон, набившихся нам в попутчики,
мы выступаем в поход на Париж.

у нас на всех — одна шпага, и та из иголки,
можно было бы пустить на вторую драконий хвост,
но жалко дракона.
он хоть и не огнедышащий, но игрушечный,
кружевной и гибкий, как акробатик.
а из смычка шпаги не сделаешь, пробовали, но не вышло:
у него сердце разбито, солдат из него никудашный.
ну что же, зато дракон и девочка с крыльями бабочки
умеют летать, смычок выступает канатоходцем,
шоколадный щенок движется с грацией гиппопотама,
всех остальных я спрятала по карманам.
сама я танцую танго.

в Париже я выйду замуж. мой арлекин
в знак траура бархатной ленточкой перетянет горло,
оставит записку: «он был влюбленным и гордым,
похороните его на кладбище Пер-Лашез в коробке
от ее подвенчальных туфелек».
дурачок.
резиновый мячик напорется на иглу
и лопнет от крика. два оловянных солдата
займут почетное место в личной гвардии моего мужа,
сменят мундиры и маркитанок, барабаны заменят на мандарины,
аркебузы на бакенбарды.
будут по пятницам храбро маршировать по перилам мансарды.
щенку выдадут конуру, кенгуру и миску
будут кормить мясом, чесать ему шерстку,
он будет играть с кенгуру в салки и делать лужи в моей кровати,
я буду врать, что он не нарочно.

девочка с крыльями сбросит крылья, скажет, что надоели,
станет певицей в кафе-шантане, будет жевать каштаны
и морщиться, что у них вкус как у сладкой картошки.
на проволочном драконе вырастут тряпичные розы.
смычок от виолончели обретет новое сердце,
оно опять разобьется, тогда он сломается.
в Париже я выйду замуж.

Гуси-лебеди

когда мы превратимся в лебедей?
сестра моя, сестра, когда мы снова
посмеем раствориться в небесах?

наверно, ты стараешься для нас,
но глупые соседские девчонки
меня прозвали ведьминым уродцем
и больно щиплют правое крыло.
я знаю, ты хотела, чтобы мы
отвоевали папино наследство.
но у меня всего одна рука

когда я прохожу мимо крестьян,
те мелко крестятся и повторяют патер,
а те, кто посмелей, швыряют камни.
поэтому я ухожу к реке
и в ней веночки из цветов пускаю.
пушистые и белые, похожи
они на неуклюжих лебедей.

вчера меня поймал суровый стражник
и запер в комнате, а я сидел и плакал,
а с кухни шел густой вишневый запах,
и я не знал, что я такого сделал,
за что меня лишили пирога?

сегодня на рассвете было страшно,
когда меня ввели в большую залу,
и ты, так неестественно прямая,
стояла, будто злилась на меня.
я съежился и я закрыл глаза,
не слушая, что говорят большие
бесформенные люди в капюшонах
я знаю, что они опять навалят
на площади у каруселей — хворост.

тогда скажи, сестра — мне будет можно
обратно в лебеди?

Love Story

1
если смотреть в дешевый саркофаг
прозрачной душевой, она похожа
на грушу с золотой пушистой шкуркой,
на спящую красавицу, и, может,
он бы хотел ее поцеловать,
отшелушить движеньем нежным шкурку,
зажмуриться, шагнуть, но... черт возьми,
она царапается и визжит, как кошка.

2
он мастерит из золотой фольги
влюбленных мотыльков — больших и глупых,
она их ловит голубым сачком,
она им нежно расправляет крылья,
а на воскресный праздничный обед
к ней в гости заявляется мужчина,
она карминно-ало красит губы
и запекает курицу в фольге.

3
все ее тело покрывает пух.
зимой он индевет, и когда
она во сне ворочается, тихий
хрустальный звон ее мужчин тревожит.

один из них был сумасшедший маг.
он научился видеть ее сны
и бил ее, когда ей снился рыжий
и большеротый дурачок-сосед.

4
другой ее любовник был цыган,
прославивший гениальным музыкантом:
он записал услышанный concerto,
когда морозной и безумной ночью
ту женщину, которая его
обожествляла, мучали кошмары.

никто нас не пытается так светло
изобретательно самозабвенно слепо
чем те кого мы любим

5

она читала по кофейной гуще
всю жизнь как воспитательный роман.
гадала по вишневым пирогам,
по лепесткам и по глазам прохожих,
в попавшейся ей косточке искала
знамение — она с ним переспит,
а если повезет, то выйдет замуж —
она и разводилась столь же просто.

6

а он ее любил и из фольги.....

au clair de la lune

здесь au clair de la lune
спит льняная кукла лили
с шестирукой серебристой
и на паучка похожей
дырочкой во лбу
снятся ей качели пчелы
жалящие лили в шелко-
вую щеку флюс надулся
как воздушный шар лиловый
баюшки-баю
как воздушный шар лилейный
в чьих боках прозрачных сытых
отражается весь мир:
лили пчелы и качели
и еще янтарный месяц
подозрительно похожий
на бездомный пирожок
и еще щенок соседский
баюшки баю

здесь au clair de la lune
спит льняная кукла лили
я животик ей зашила
чтобы громко не урчал
в животе ее печальном
нынче боль моя ночует
я прижалась лбом горячим
к непрозрачному фарфору
мне не больно мне не больно
мне не спится с непривычки

Дуэтом

1

одной душе в теле скучно, двоим — тесно
худею душу, мором морю, а ей — хоть тресни,
цвет глаз меняется — душа просвечивает, становится фотомодельной,
шлаками отходит память, коростой отваливается сердце,
болтается само по себе в груди, совсем не бьется,
можно перевернуть его в розу, жалко, она засохнет,
подарить тебе засохшую розу, мальчик? но он не хочет.
во мне не растет ни травинки: дурная почва.
я выморила душу, вывернула наизнанку, выдубила, сшила тулупчик,
тулупчик короткий, волшебный, но мне не впору, то жмет, то щекочет,
говорит, я не я, самозванка, цыганка с черной, худой душой,
бородой до пят, цветастым платком, серебряным языком.
кулаками не машут после драки, юбками после пляски
пол не метут, господа не зовут, от причастия отказавшись,
господи, я не знала, чего искала, это реклама
виновата, я думала, надо как все, оказалось, не надо.
перевыколоковали меня, вышколили, выкололи глазки,
вставили линзы, надели шоры, пришпорили, гоп, кобылка,

2

пошла, кобылка, по цирковому, по часовой.
хвост свой видишь? держи, не то убежит,
нет у тебя души, нет у тебя души, нет у тебя души,
сердце бьется, как проклятый молоток в часах, дрожит,
как чокнутое, пытается доказать, что живо еще.
господи, покажи,
где у меня душа, что я ищу,
там, в темноте темниц, полумертвый от страха, неоспоримо живой,
потому что только живые могут болеть взахлеб
и кричать вразрыв, потому что живая плоть
и в огне не горит, и в воде не тонет всем кривдам наперекор,
потому что иначе было бы слишком легко
каждый раз умирать, господи, удержи
меня хоть единожды в ладонях своих, не опускай в огонь,
если не ты, то кто? рядом со мной никого,
только ты моя тень моя тень моя тень моя тень
изо дня в день изойдя кровью и потом будней я говорю с тобой,
потому что если не ты, то во мне действительно никого.

sic transit Gloria

закрываю авторский договор с жизнью:
я ей стансы она мне стены
я ей стансы она мне стоны
я ей стансы она мне розги
я ей стансы она мне бесов
стансы мои хромают кровят стервятся
хорохорятся хохлятся курвятся дохнут пачками
жизнь посылает нарциссы букетами
утешься милая
может и ты допишешься наконец до счастья
никто же не застрахован

жизнь выплачивает мне авторские гонорары:
посылает любовников белокурых
я растрчиваю их в неделю: дура
живу в париже
так и не выучилась ни влюбляться
ни экономить

любовники разбрелись по женам
я строчу пьесы пишу с нажимом
жизнь ставит по ним фильмы
вроде бы все довольны
ах да: я все время кого-нибудь забываю

жизнь подает иски: ты исписалась
пьесы твои предсказуемы пресны и неопасны
вот бы в них кто-нибудь умер — было бы интересно
я колочусь фарфоровой головой о стены
вдребезги на буквы а не на строчки
призываю бесов вручаю им розги
контракт кабальный нерасторжимый
пишу записку элегантно до жути опять с нажимом
не жила ашила
собственный саван
бисером буквенным расшивала
до свиданья кохане
счастье и славу мне обещано выдать посмертно

p.s.

Крутится вертится шар голубой
За ним кувыркается жадный зрачок
Хлоп! Кувыркайся вслепую,
Шар в голове моей, шар голубой,
Барышня ждет кавалера.
Бусы из круглой густой бирюзы:
Барышня разорвалась, и посы-
Пались с неба шары голубые,
У кавалера обвисли усы,
Сердце покинули бесы.
Бусины, бусины падают с неба,
Бусину нищий зажал в кулаке,
Вставил актер ее в глаз, как монокль,
Бусина спит в шутовском колпаке,
Катится бусина верным щенком за
Столь непривязчивым кавалером.
Только мой гений идет налегке,
Он закрывает глаза, и в зрачке
Крутится-вертится шар голубой

ЧУЖЕ МОЗГОВ

...Ундина русалке: Разве ты не знаешь, что у людей принято высказывать свою любовь устами таких дур, как ты, которые поют и читают стихи? Их называют поэтами. Ты поэт. Ты дура!..

...Рыцарь о любви: Все это басни. Когда девушка тебя любит, она от этого только больше коченеет и сильнее мокнет под дождем, больше подвержена насморкам и вывихам. Стоит лишь взглянуть на лицо влюбленной новобрачной в церкви... Муж задается вопросом: отчего вдруг такая ужасная перемена? А это оттого, что она любит...

...Рыцарь о себе: Жил был рыцарь, который искал на этом свете чего-нибудь не тусклого, не стертого, не повседневного. Он нашел на берегу озера девушку по имени Ундина. Она превращала оловянные тарелки в золотые. Она выходила из дому в бурю и не вымокала под дождем. Она была не только самой прекрасной девушкой из всех, кого он когда-либо встречал; он чувствовал, что она — сама веселость, сама нежность и самопожертвование. Он почувствовал, что она может умереть за него, сделать ради него то, чего не может сделать ни одно человеческое существо, пройти через огонь, броситься в воду, летать по воздуху... Он низко поклонился ей и отправился восвояси, чтобы жениться на черной девице по имени Берта!.. Кто же он после этого?..

Ж. Жироду, «Ундина»

Икона

сердце вырвано, выпотрошено, выпито
белый голубь прилетал, хриплым голосом орал — «Свежее мясо!»
я смотрела на икону, умилялась: сусальная, вылитая я
билась лбом о кафель, кашляла — «жизнь прекрасна...»

.....
приходил слепой ко мне: пожалуйста, дай мне глазки
страшно в теле жить, не любуясь, не зная ласки
я к окну подсаживаюсь, распахиваю створки настезь
он шепчет — ну надо ж родиться такой уродкой...

приходил глухой ко мне, плакался — дай услышать
как ты молишься — мои уши прогрызли мыши
я пою колыбельную телу, я себя в себе ощущаю лишней
он морщится — тебе что, медведь наступил на ухо?

приходил безногий ко мне, плакался — дай мне ножки
знаешь, пусть я безбожник, но невозможно
все время стоять на коленях-культях. я осторожно
глажу его, он уходит, а я лежу неподвижно.

приходил ко мне рыжий ангел: ну что, дурена?
все раздала, что было, а было мало — зато ядрено
в черном окладе двери я такая строгая как икона
провожаю его:
.....
господи, пощади его!

Письма

Злость затянув на петельки и крючки
остервенело распарываю свой шаг
остекляненно не дыша

Мне никого не жаль ничего не жаль
сердца нет у меня сердца нет во мне нет и нет
в тине оно в гниющей густой траве
на самом дне где его никто не найдет

я сочиняю тебе письмо. я тебе пишу.

Пишешь Язону: Язон, прораста в корабль
пишешь Улиссу: Харибда тебя возьми
пишешь Тезею: тебя протаранит бык
бойся быков с человеческим лицом Тезей

В городе душно. может быть будет дождь
может снег может быть я сойду с ума
но никогда никого никогда ни за что никому
не отпущу не прощу не выдам и не предам

Гамлету пишешь: отец твой не твой отец
Клавдий отец тебе ты же убил отца
Фаусту пишешь: пудель — твой черный черт
пишешь Хуану: Хуан ты стал лыс и толст

Может быть ночь наступит а может день
может быть время как заливной судак
застрянет в желе. только я никому никогда
не покажу не отдам не вспомню и не верну

Пишешь Петру: отрекаясь ты трижды глуп
пишешь Иуде: брат, не ломай осин

Пишешь тебе: я тебя не люблю не люблю
не выдам тебя никому ни за что никогда

Сонник

1

Елена заснула. Видит Елена сон.
Стали троянцы травой — и черна трава
Мертва трава а Троя среди травы
Лежит браслетом Елениным золотым
И тянутся руки поднять его но трава
Остра словно тысячи черных и мертвых пик
Подняты в воздух впиваются ей в живот
В щиколотки и бедра пронзая насквозь
И грудь и шею и даже испуганный рот
Из тысячи дыр из Елены сочится вино
Густое и сладко-медовое. От него
Все выше и выше трава. Все черней
Мертвей и страшней Елена. Она кричит
Но крика ее не слышно: над ней во весь
Рост ухмыляясь солнце встает с лицом
Глупым и красным Париса...

2

Ксения заснула и видит сон.
Чудится Ксене, что из сундука
Странные вещи она достает.
Чашку с отбитым краем, а в ней
Кофейная гуща как кружева.
Горсть стекляруса и перо.
Венский вальс без двух первых нот
И реверанса в конце, за ним
Улыбку дамы в тот миг, когда
Один напудренный кавалер
Ей лез под напыщенный кринолин.
Фиалково пахнущее жарой
И молью проеденное в углу
Воспоминание о прогулках на лодках. Витую и
Темную лестницу, от нее
Темно в глазах бьется сердце и
Легко и летуче. За ней мужскую
рубашку и женский смех.
Огрызок фразы «...нись на мне...» и
Чулки, сужарь, кончик шерстяной
И красной нити. Ее она
Мотает на палец и говорит:
«Кто держит конец этой нити, тот
держит мою любовь.....»

3

медленно так иду будто сплю иду.
за мной след в след как собака бежит беда
и бабка в красном просит на хлеб и смерть
я не подам так как нет у меня смертей
и хлеба нет и нет у меня себя.

*утром смотрится в зеркало, чудится в нем совсем
чужое лицо, сквозь которое виден весь
божий дом. в нем комнаты как нани-
занные на лестницы, в каждой ты
что-то делаешь: плачешь, меня зовешь,
гонимь меня, разговариваешь со мной,
любишь меня и словно чужой герой
отрубаешь мне голову, т.к. все говорят,
что я превращаю в камень, а ты и так
каменный-каменный-каменный. у тебя
антично-пустое бессмысленное лицо...*

дальше иду так спокойно как сплю иду
время мое длиннее чем время всех
осень сменяет зиму за ней весна
или наоборот или я не туда иду
бабка та умерла и в ее глазах
я прочитала что рано мне мерять смерть
рано кичиться оспинами обид
рано отказываться от тебя.
все равно придешь.

*утром смотрится в зеркало, чудится в нем лицо
такое родное, как будто бы это ты.
и по нему я читаю свою судьбу
в господнем доме, в котором так много ком-
нат, нанизанных на шампур
твоих боязней-болезней, и в каждой я
что-нибудь делаю: плачу, тебя зову,
люблю тебя, время твое пряду,
жизнь твою вышиваю, чтоб уберечь
от ста смертей. а стопервую сам найдешь*

взгляд твой меня превращает в камень в каждой из комнат...

Синхрофазотрон

Проснись, Нижинский! Некому танцевать здесь зимой,
снегом лететь, все эти балансе небес,
фуэте мозгов, что-со-мной, что-со-мной?
стеклярусом изо льда боль свою расшивать,
как индеец сиу кисет, как русский кокошник,
как виртуозно хвост украшает бес;
маленькой девочкой умереть,
проснуться в гробу хрустальном, в теле мужском,
в вате лежать, в футляре из мышц и кожи.
Бо-боженька-боже,
сделай так, чтобы мне было хорошо!
Чужое тело нужно уметь носить,
как красный лак на ногтях,
как платье а-ля мерилин,
как мужскую любовь,
как женскую красоту.
я никогда к тебе не приду:
у меня менструальный сплин,
и за спиною сошлись лопатки, как будто клин
вбивают — чтоб вышибить сердца клин.
Что-то ходит и ходит внутри, как дите в темноте,
и стучит и стучит, словно бомба на много лет.
Давай сочиним все заново: ты будешь Джулиэтт,
а я Ромео — и мне будет двадцать два.
я научусь петь, а ты собирать слова
как огромный паззл — и к чертям верон и ворон,
любовь — бесконечный перрон, где поезд со всех сторон,
а ты под ним — и в руках непробитый билет.
Анна, Анна — небо как синяя борода
Вронского, ключ по почте, адрес обратный: свет
изнутри, милая, посмотри, это балет
снега и льда, милая да-
па-слушай-меня: Бога нет и Шекспира нет,
и мы уже были и Ромео и Джулиэтт,
по разу — развод и психушка; и боже, какая метель:
будто белая мать-корова телится-телится-тель-
лится в небесах; и блуждают тильтиль и митиль;
пани померла, и пан почему-то пропал;
и белые сны, и засохший тюльпан
одеяла, вывернутая постель —
мидморнинг блюз кровати — спаси меня, мати о мати!
Нижинский смеется, он знает, что боль это бал,
а бальное платье вращается, как маска дель арте.

и как это горячо, когда половодье жил,
когда из тела по капле проходит зима;
когда прорастает солнце; рок-факинг-ролл.
и кто-то потом расскажет: на золотом крыльце
жил-был король. и этот король был гол.
и я сидела со смертью в третьем лице,
по локоток в серебре, по колено в дерьме,
и Эльза вязала нам платья без рукавов
из шерсти и из крапивы, и кто-то сказал: любовь
слепа словно польня и светла.
и я говорю, проснись,
проснись, Нижинский, станцуй мне жизнь.

Анна

1

я обращаюсь в оборотня — день ото дня
все отчаяннее — пожалуйста, пощади меня,
мой высеребранный господин! — сжима-
юсь-вьюсь поверх вышитых одеял
(раненная в утробу. утро. пятое декабря),
в шерстяную боль сворачиваюсь,
молчу: пожалуйста, пощади!
от-пус-ти!

в фарфоровом небе месяц белый как слепота
(слепок с меня счастливой: кажется, пятое августа,
я и н е я и н е я — перекрестись, если кажется.
крест обжигает.)
что-то во мне прорастает между лопа-
ток — чужое, черное. ну по-жа-луй-ста!

2

серебряный мой господинчик с лицом ан-
гела анны, рот твой, что был целован
бережно-нежно, плачущий по кордовам
и по альгамбрам, пахнущий пловом и амброй.
аннабель ли мой, любимый мой, ангел мой, ангел!
альми нитями шита любовная кукла,
чучилка-мучилка.

знаешь, мне снится
платье, расшитое глазками — золотыми
и фиолетовыми, с мохнатыми и живыми ресницами.
смотрят они на тебя, где бы ни был ты,
словно крыльями,
машут ресницами и не могут закрыться,
и не дают мне спать.

в этом платье мне и жениться.

3

лик твой аннабелиный,
цапельный облик,
оклик твой соколиный,
звонкий и длинный,
бывший мне не мужчиной,
а ангелом или птицей.

4

и анна говорит: позавчера
зима, вчера весна, а что сегодня?
а я не помню, я совсем не помню,
а в моем сердце выросла гора.
и магомет касается горы,
как женщины, чьи волосы черны,
чьи, как верблюды, двигаются сны,
и чудится ему: гора живая,
горячая, и дышит и дрожит.

и анна говорит: вчера мур-мур,
а что сегодня? в монастырь и замуж.
а он объелся желтых груш, а он
сошел с ума, полцарства за коня
и вышел вон. а я сижу за пряжей
и думаю, что эта нить и есть
его любовь (какой забавный мальчик!),
и почему она берется из
моей груди и красная такая?

и анна говорит: а если дочь?
а мне не больно, мне что сын, что дочка,
а он не хочет, он меня не хочет,
черт побери, ну мог бы захотеть
из мужества — в семье не без уroda,
а у меня глаза-глаза-глаза
(вот розмарин, а вот забудь-менятки)
и ноги-ноги-ноги. что же боле?
и акт закончен. мне сказали, первый.

и анна говорит: давай умрем?

* * *

шепчешь: будь осторожна, там гололедица,
хрупкая моя, тонкая, вдруг в тебе что-то сломается?
крестишь за мною двери, как за покойницей,
воздух молитвами расшиваешь, глазами-пальцами
мой силуэт зажимая — не смеет, не свалится!

чертова фруктина-междуребрица
колет и колет и колется-колется-колется.
мати-мати моя, меня и беда сторонится,
страшно со мной — у меня душа не срастается

Стансы кита

солнечный мальчик невинно наг
и сумасшедше юн.
аве, иона! бог бьет насквозь.
слеп, глух и пол гарпун.
кит с искаженным по-женски лицом
плачет, познав любовь.
аве, иона! когда бы ты
смел разделить любовь,
встал между господом и китом,
смог, уберег меня.
аве, иона! я просто сплю.
бог, не буди меня.

кит — колокольня внутри, а бог —
славный звонарь любви.
словно застрявший гарпун любовь.
ну же, иона, иди,
на берег, в солнечную метель,
благодари спасен!
плоть моя — мягкая колыбель,
сплетенная для ионы.....

Jazzuela

1
Интонирую джаз: боль-синхрон
в душной кабинке тела
в цветной негритянской шали
биг-бэнд ангелов там, наверху,
импровизирует со вселенской печалью
шарит-жарит
шалит-жалит сердце словно оса
живая джазовая оса в янтаре-
скарабее тела — мне больно, бейби, мне больно

2
по бесконечной лестнице в небеса
с трубой в руках с оголтелой борзой
страха в глазах и негритянской тенью
вдвое толще тебя с бархатным скэтом
би-ла-би-ла-до-би-ла-ме-ня-мо-я-ми-ла...
билабилилюбилаявылюбилабилалетом
до дрожи и сквозняка в собственном имени — ксения,
хочешь домой? словно злая пила:
а мой дом не там,
где вода навалилась, как муж. он тяжел и пьян,
и мне нечем дышать, а он шепчет: пой, черная сука!
пой, молись, отмывай свою душу от чер-
ных и белых мужчин, очищайся от скверны мужской
драйвовым визгом, моллиииии-лась ли на ночь ты, киска?

3
я сходила с ума. так сходят с ума от вещей
женщины, имеющие несчастье помнить
запах своих мужчин, и мужчины,
имеющие несчастье помнить боль своих женщин.

4
возлюбленные моих мужчин
всегда чуть голубицы
чуть богородицы
зачем им мужчины?
колыбельная
колы-боль моя, голу-бень моя
страшно ложиться в пустую постель
словно тебя вытрошили

5

в ти-ааа-тууууууу-тиккии все хорошо, любимый
в ти-ааа-тууууууу-тиккии такие тихие реки
черные реки и сонные черепахи
просвечивают сквозь тело реки словно рубахи
моих мертвых мужчин. как много красивых мужчин
ти-ааааа-тууууууу-тикккки не знает разлюбленных женщин

в ти-ааааа-туууу-тикккки бог не делает больно
о ти-ааааа-туууу-тикккки

Sub tuum praesidium confugimus

что же ты, берегиня, не уберегла? у берега
не стояла? вырвала бы, вымолила бы, выманила,
море бы на измор взяла, из моря вывела,
в водоросли бы вырядила — вдруг не выдадут?
что же ты, берегиня, не уберегла? вылюбили,
выебали меня, душу из тела вынули, как чеснок очистили,
в воду плыть пустили венком из лилий, прокляли меня, мокрую,
нарядили в платье из волн, в ожерелье из желтых лилий,
волосы заплели, бедра сдвинули, сказали, лежи, шлюха, как положили.
что же ты, берегиня, не уберегла?

Once upon a beer in my bedroom

что ж, дания сгнила до половины.
куда теперь направимся, мой принц?
махнем в гранату, в кордобу, в севилю,
твой вечный йорик снова на мели,
заводит карусели в тиволи,
как сумасшедший кельтский часовщик
остановись, мгновенье, ты прекрасно!
а розенкранц и гильденстерн мертвы.
мой милый принц, вложите сердце в ножны!
разряженный, как будто бандерилья,
ты будешь больше девочка, чем я
ах эти кудри, золотые кудри,
ах эта нежно-яблочная кожа!
тебе наверняка подарит розу
карминную кудрявый марокканец.
перебери ее по лепестку —
быть иль не быть: что благородней духом —
а я буду гадать: не может может
не хочет хочет хочет но не встанет
я вас любил, любовь еще, быть может,
я вас любил как сорок тысяч (тьфу!)
стать устрицей и спрятаться в алькове,
при чем тут к черту быть или не быть!
а дальше или в монастырь, иль замуж,
или устроим бурную корриду
в моей постели — непременно с кровью.
не бойся — гордость чаще ставит раком,
чем самый датский. самый гамлет. гамлет
сыграем пьесу заново — без крыс,
без призраков, на русском и испанском,
двух киноварно-страстных языках
с субтитрами — *о маме миа! резче!*
чем в эль-синоре лучше, чем в аль-гамбре ?

хотя, наверно, ты остался прежний:
слегка мудак, слегка навеселе,
нескладный светлый длинноперый ангел
чудаковатый суматошный страус
о, так любить и так бояться женщин,
какая безнадега, милый принц!
твоя, насквозь твоя и мчи
офелия. пятнадцатого марта.

Ка-те?

1

катья, катья, помолись за меня в небесах
где ты с розами в волосах
катишься колесом
катья, катья черная богома-
терь скованных льдом
вероотступников, святотатцев, отцеубийц,
всех возлюбленных моих, человечьих моих птенцов
катья, катья, заступница птиц с иконным лицом,
с розовым кустом в волосах
(то душа моя прорастает ввысь)
катья катья огненная шутиха
указующая перстом
обращающая хлыстом
прошивающая крестом
заступись за меня, пожалуйста, заступись
а то мне так хо-
лод-
но

2

слепленные, как половины фасолинки,
любовники,
уткнувшиеся лодочками лодышек в берег чужой,
врастающие в него якорями-ладонями,
неразделяемые спросонья.
спи, лю-боль моя.

3

спите, упрямо сомкнувшись лбами,
и какой-то ангел с огненными крылами
нас меняет ласковыми телами.

4

это дала мне боль, боль
костяной
вой
тела.
из каменного
выкрученного хребта
прораста-
ющую яб-
лоню па-

мяти

с белыми цветами,
похожими на ангельские хороводы,
его лицо,
с золотыми плодами,
похожими на ангельские хороводы,
его лицо,
а бог запретил срывать.
а я подыхаю с голода
этой зимой
сбрасываю кожу
запираюсь в себя
оголтело
по-волчьи
вою:
даййййймнеегоооооо.

5

*fleg*мальчик вы бессмысленно красивы
беспомощно нежны и беспощадны.
я вас люблю. вплетаю ваше имя
в венки молитв и по реке небес
его пускаю — пусть себе плывет
а я боюсь дышать такой вы хрупкий
я вас люблю. я вас люблю безумно.

6

иду по свету в лимонных ладонях ладанка
словно птицу несу ее теплую алую гладкую
расшитую, словно бисером колким да золотыми буквами,
(господи, сохрани его — хрупкогохрупкогохрупкого)
всеми молитвами что заучила с детства я,
что мать шептала, что сердце пело, что боль подсказывала,
«*господи, сохрани его, господи, сохрани его, сохрани его,*
такого тонкого, такого юного, что я дышать на него боюсь,
нет на земле мне милее ангела твоего XXXX».

7

отмирает душа. осыпается черною штукатуркой
где-то внутри (кажется, где женские органы)
а мне так больно, что даже уже не больно,
а мне так жутко, что даже уже не страшно.
катья, катья, борогодица черных воронов,
возлюбленная мучителя моего, солнечного придурка,
пожалуйста, помолись за меня.
помолись за меня, пожалуйста.

мон генераль

мон генераль да-да я травести
что ж надо же кому-то быть мужчиной
пусть с грыжей страха сгнившей сердцевинной
пусть с женственностью хрупкостью кости
игрушечного роста с длинной челкой

мон генераль красивых слов желе
размазывать (а может быть когда-то
пожалуйста уже не мужем братом
вы ни о чем не будете жалеть)
наверное не надо и нелепо

дрожа рассыпать как драже прощайте
вы все-таки со шпагой и в строю
я бойко барабану боль свою
трублю любовь и кашеварю память
(мне лучше в кружевах и неглиже

не пасть в бою и порастить травой
а пасть в постель и с вами) чертовщина
мон генераль мне страшно быть мужчиной
на кой вам хуй мужчина? все равно
как не зови но роза будет розой

я вас люблю. я очень вас люблю.

Элейн

лисы в голове у элейн
изнутри мозги ей грызут:
«баламуть моя безумная топь
боль моя болина любовь
слеп куриный бог ланселот
с бессердечной дыркой в груди
женевьева мне — жернова
белый хлеб из муки элейн

не крапивный я скроила кафтан
лебедине моей белой беде
нитью жильной костной иглой
жизнь его прожитую шью
(словно нить чужую жизнь длить
шелком усмирять его смерть
сжиться с ним прижаться к нему
женской лаской раны срastить
чтоб ни рубчика ни шва — только шелк)

волчи женствен нежен нежить моя
женевьева словно черная моль
проедает нас изнутри
выплетает нас в кружева
в красный королевский наряд

нем харон мой черен и хром
правит лодкой и не двинет веслом..»
*а элейн кувшинкой желтой сквозь дно
проросла...*

овод

1
нести в глазах безумных талый снег
а между ног обгрызенную розу
и в каждом позвонке звенящего шмеля
стучаться в грудь — я ласточка твоя! —
какому-то фригидному уроду
ибо на нем встал колом белый свет
и сублимировать все сумрачней и звонче
все сволочней всем копчиком дрожа
и жить им злясь пронзая нежным жалом
безумящую плоть безумной гончей

о та в ком ты разлегся как паша
та что тебя в самом огне держала
сестрой с тобой в утробе матери лежала
куда тебя несет моя душа?

2
мон шер, тебя преследуют враги:
то оводы то комары то мухи
то шлюхи то и вовсе дураки
и кто-то шепчет снизу вверх — беги!
и ты бежишь а за тобой всем скопом
галопом — желтогоглазые жуки
желаний, бед и скорби скарабей,
и ты давай наматывать круги
глаз незабудочьих поднять не смея,
какая, в общем, глупая затея —
бежать от самого себя, мон шер!

Прогулка

1
мы шагаем в звонкую терцию.
ты высокий, тонкий, я просто маленькая.
мир качается, словно в цирке трапеция —
я осторожно высовываю язык, пробую воздух.
отстаю. ты грозишься согреть меня.
ты улыбаешься.
черт побери, я же люблю тебя, я без тебя содохну,
вот спрыгну с этой, качающейся, — и что ты сделаешь?
закричишь: посмотрите, какая белая-белая,
глупенькая, совсем замерзла.

в моих глазах болезненные мелюзинки,
(а надо — блядинку!)
детские сказки, датские суффиговые артикли
суфлирующие тебе — по-лю-би-ее-по-лю-би-же-е-ё!
я похожа на акробата с книжкой картинки:
ба-лан-си-рую. воздух сладкий и липкий,
как клюква в сахарной пудре. болит живот
от отчаянного желания целоваться.

мне чуть-чуть и двадцать.

2
Ангелы в небесах вертят сферы как хулахуп
кто-то моей любви на земле устраивает холокост
с души моей кожу снимает, как грецкую скорлупу.
эпилептически с одеялом бьюсь.
его. его.
я его люблю.
выжженная, выжранная, перевыкрученная в жгут.
как виноградина — просвечиваю насквозь.
грушевидною косточкою любовь.
аномальный фрукт.
бьется пойманный в сердце бес, белкою в колесе бес.
прогрызает в нем лаз — оставляет в нем черный след.
вот нашла на меня напасть —
почти комеди франсез,
солнечно-сексуальный ликбез,
золотистый тягучий джаз
чая. господи, пощади, если ты есть —
пусть я буду как все,
научи не паясничать хоть сейчас.
хоть на этот раз.

Анна Болейн

Диме В.

*

*на золотом крыльце сидели
царь, царевич, король, элвис пресли,
sgt реррег и марлен дитрих
аннабель ли и лили марлен и
анна болейн и генрих гамлет
эвридика в чадре и отелло
смерть с косой с нею конь в пальто
а ты будешь кто?*

1

молились ли вы на ночь, Генрих Рех? —
да, путаясь в словах, как никогда —
в корсетах, даже пьяный; вместо ave
тага вырывалось ave анна,
я, кажется, заснул, мне снились англы
и ангелы с вишневыми глазами
и чувственным уродством рук, и я
выл от желанья поиметь их сразу
всех скопом — а они курлы-
кали как голуби — она-
она-она-о-с-анна-анна-анна
я болен, Анна? — Генрих Рех, вы — Болейн.

2

в книге спит мой ласковый любовник,
словно роза вжатый меж страниц
старого французского романа.
правда, Генри? лепестки ерошу,
правда, Генри? Генри, мой хороший,
тебе снится твоя мистрис Нэн?

3

конь ли твой споткнулся, рыжий сокол
закричал надсадно, хвост поджала
гончая любимая — навстречу
тебе едет твоя мистрис Нэн.
то не тьма накрыла Лондон, то не
лондонцев чума расцеловала,
и не проклят ты — а расчесала
кудри острым гребнем мистрис Нэн.

4

молилась ли ты на ночь, Анна Болейн?
я выучила нежный катехизис
на хинди на иврите на фарси
не ведая строения мужчины
на уровне экфрасиса — «возлюблен
ный мой руку протянул
сквозь скважину и внутренность моя...» —
ты шлюха, Анна Болейн. — да, мой Генрих.

*

*я садовником родился
не на шутку рассердился
все цветы мне надоели
кроме.....*

Т.Уайетт, зазеркальный белый заяц

1

я сомелье болейн. унылый бог
не смог придумать ничего болезней
во мне молчит мужское естество,
мой вялый зверь не движется. не дышит
о спите, девочки, здесь мальчики невинны,
как сухостой бессмысленно высоки
и как бессмертник розово-нежны
о спите мальчики, здесь девочки безумны,
о спите мальчики, здесь девушки ножи,
здесь девушки взрослеют слишком рано.
их прелести, их тайные уродства,
их тонкие как паутинки руки,
их круговые темные глаза
нас превращают в нервных импотентов
и карликов, в потеющей руке
сжимающих все то же — розу, розу
в корсете, из которого вразлет
пурпурный бархат — юбки, грудки, ножки!
(обиженно-дразнящее: мон шер,
смотрите, нет, потрогайте) и дрожью
рассыпавшийся — бисером, драже
грохочущий — к ногам ее склониться:
я вам готов реснички целовать
и каждый волосок на нежной коже,
нельзя, нельзя, сто тысяч раз нельзя,
на сорок тысяч можно, можно, можно!
о боль моя, о выхухоль моя!

2

вот мальчик, что над городом плывет
и девочку невинную зовет
подняться с ним туда, где спит Исакий,
и Солсберри, и Пол, и Нотр-Дам,
колокола которых улетели.
а девочка та спит, а рядом с ней
спит тучный карл, читаю по губам,
что он благословенный император
всея земли, ему лет тридцать шесть,
а девочке от силы лет шестнадцать,
а мальчику шестнадцать с небольшим.
а мальчик высоко. он невесом,
почти невидим и почти неслышен,

в его руке серебряный рожок,
и тонкий, очень тонкий поводок,
цепляющий высокие деревья.
и он зовет туда, где нет луны,
нет императоров всея земли, нет карлов,
где девочек не превращают в женщин
по мановенью палочек мужчин,
а лишь несут в неведомые дали
на лошадях-качалках, где легко,
где купола напыжены, как юбки
жеманных фрейлин, где уже с утра
пажи терзают струны темных скрипок,
где вишню подают на завтрак, где
та девочка.... а девочке приснилось,
что ей однажды голову отрубят
и на тарелке карлу принесут.

P. S. Кот в мешке

1

Из вспоротого барабана —
хвала моему господину!
сыпятся странные игрушки:
плюшевые мишки,
медные трубы, оловянные солдатики
это не страшно, мама,
мы просто становимся старше
(Как ты докатилась до этой жизни?
негодует мама, убирая игрушки в ящик)

2

и так, сплетая грудные клетки как ветки вяза,
лежали по-братски. разве что — целовались,
блаженствует карл, укравший у клары кораллы —
безумствует клара, узнавшая карлов кларнет.

3

пиф-паф, любимый, судорога-икота
тела твоего — слепого и потного
перейди с тебя на меня с меня на федота
с федота на якова с якова на всякого,
со всякого на кого угодно.

TIVOLI

There is nothing like it in all of Scandinavia. Tivoli Illuminations combine light, laser, sound, fire, smoke and Tivoli's charming lakeside surroundings into a spectacular bombardment of your senses. Every night half an hour before closing time.

из рекламного проспекта

Английская баллада для Кати

*«на том конце ручья мой друг
на том конце ручья
я буду ждать покуда ты
свой дом сожжешь и дым
пойдет от крыш*

*покуда ты сожжешь свой дом
тебя сожжет чума
ты плачешь божья благодать
а я схожу с ума
от счастья и тоски»*

мой сын за что спросил отец
за что спросила мать
за то что бог забрал меня
в далекие края
не хочет отдавать

мой брат за что заплакал брат
возлюбленный за что?
за то что дева ждет меня
прекрасная как снег
на том конце ручья

бог превращает боль в вино
он чувствует мой грех
и я бегу его туда
где не хранят следов
подземные ручьи

где дерево кричит где мед
из ран его течет
и пригубивший этот мед
навек ранен сам
где я провел весну

там девушка живет она
не ведает мужчин
но дар ей дан волшебный дар
от жизни исцелять
касанием руки

я был в той проклятой стране
где вечная весна
и обещал вернуться к той
что ждет меня с тех пор
на том конце ручья

the sleeper

*The lady sleeps! Oh, may her sleep,
Which is enduring, so be deep!
E.A.Poe*

спи девочка просвечивай сквозь сонм
своих мужчин несбывшимся спасеньем
предмученичеством ученика маги-
стра страсти юдоли безумства
которого ты скоро превзойдешь
в искусстве нежном самоистязанья

спи девочка светлея изнутри
предчувствием бессоницы не зная
как спится с нелюбимым как не спится
с нелюбящим угадывая сны
в которых ему видится другая
спи девочка пока он спит один

спи девочка пока ты спишь одна
моллюском не сращенная с чужой
горячей плотью не молясь не откли-
каясь на молитвы мантры
не мудрствуя лукаво не целуясь
не злясь болезненно и не сходя с ума
спи девочка

Фан-фан la tulipe

спи мой милый мой неласковый
я умею уходить
в край рассеянный безрадостный
в край где птицы не поют
птицы гордые тяжелые
птицы знающие олово
нежеланности в груди
у монмартрской богоматери
буду я в ногах лежать
тот венки в руках держать
коий ангелы московские
над тобою понесут
если вдруг с венка охранного
альпий розан упадет
значит я твоя немилая
где-то помню о тебе
страшно страшно мне безбожнице
попроситься во помощницы
к богородице непомнящей
знает дева богородица
что неправду говорю
ибо вянут нежно-белые
мною сплетенные венки
стынет кофе мною поданный
а когда все богу молятся
я по-русски говорю
если стебель пальцы колет мне
значит где-то мой несуженный
спрашивает обо мне
сколько я венков испортила
лепесками я засыпала
рю монмартр и рю лафит
что ты хочешь мой неласковый
что ты хочешь от меня?
ты придешь ко мне беспмятной
скажешь: можно я печальная
буду плакать за тебя?
скажешь: страшно если молится
нелюбимая о нас
я отдам тебе серебряный
свежесорванный тюльпан
это голос мой что сорван был
о тебе и о другой
отпусти меня возлюбленный

tenezze

мой мир вооруженно-одинок
спаси, господь, он нежен и прекрасен
как сорванный искусственный цветок
все рыцари мои клубицы дыма
все рыцари мои все голубицы
и арлекины в шелковых трико
мой мир прекрасен, бог, он так прекрасен
так сумасшедше-нежно одинок
и я не знаю как мне жить в нем — снится
кому-нибудь — я черная жилица
в чужом доме — так спляшем, пегги, спляшем
рождественский гусенок разукрашен
неумолимо движется суок
прямая будто стрелка часовая
по красной нити между этих строк
вот-вот дойдет и сердцу выйдет срок

Impression du matin

1

Весь этот джаз, фуэте суёт,
Ангел, что держится за живот,
вынашивает в нем душу
она танцует внутри фокстрот
почти не дышит
я тужусь, кричу ей, изыди, душа,
дай мне, пожалуйста, подышать.
она не слышит.

2

а ты играешь, дудочка во плоти,
мира божьего посреди,
и что-то свистит и свербит в груди
а ты ему — не пушу

бог — это если сплошной синяк
боль, танцующая краковяк
в мозгу, попадающая не в такт,
а ты ему — не прощу.

и вот стоишь как солдат на плацу
кричишь в никуда — не прощу подлецу,
но подлецу все равно к лицу,
все подходит к плацу

и ты играешь, дудочка во плоти,
единственный чудный простой мотив,
и кто б ни скребся в твоей груди,
ты знаешь, что будет потом.

apologia pro vita sua

смирный обморок с утра,
сердечный гололед
сиди со мной, сиди, герой,
покуда спит твой враг.

давным-давно в чужом краю

он видит сон о том, как ты
отправился домой.
душа, сраженная тоской,
но стойкая, как хмель.

давным давно в чужом краю

сиди со мной, вопи и вой
о том, что ты как все:
слегка герой,
слегка покойник
и влюблен

давным-давно в чужом краю

сиди со мной, сиди, герой,
ты не влюблен, но я —
я буду ждать тебя, коль ты
отправишься на бой.

давным-давно в чужом краю

all that jazz

вся эта боль лишь вывих сердца, вывсхлип,
во мне давно сломался соловей.
кто грыз меня — их много, тех, что грызли,-
прогрыз и вылез на неяркий свет.
я в лазы их высаживаю розы —
чтоб саван шелков был и вкусно пах
возница нервно втягивает воздух:
он хлыст и хлыщ, он вор и вертопрах,
в нем лица друг из друга вырастают.
кобылка ржет с неистовой тоской.
застыть тебя б на всем скаку, слепая,
чтоб дрожь твою почувствовать рукой,
чтоб задрожать тебе ответной дрожью,
твой — млечный, мой — сердечный — вышит путь
вселенским бисером. возница тянет вожжи,
он синеглаз, златоволос и груб,
из рода тех, кто грыз меня, живую,
кто жил во мне, кто выбрался уже.
как мне легко! я больше не тоскую
ни по его, ни по своей душе.

everyday

Диме Иванову

*Summer time
And the living is easy*

everyday

эвридика становится теньше и тоньше
кто-то тащит ее по периметру сумрачных дней
ее сердце молчит. по печальной привычке касаясь
туберозы груди, она тщится услышать в ней шум
долото топотание кашель. но сердце не бьется. не хочет.

что ты деятель жизни моей замолчал заболел засмеялся
вышел вон отдал царство мое за коня. что ты скажешь коню когда он
пить попросит? опустишься ли на колени?
что ты скажешь коню когда конь твой издохнет в пути?
я не в силах сберечь эту речь постепенно чужую
говори говори я не в силах тебя удержать
в человеческой груди постепенно теряющей плотность

everyday

эвридика встает в бесконечную очередь в кассу
обналичить талоны тоски
— два часа на полгода побыть непривычно-живой
позаламывать руки потрахаться и поскандалить
покричать, наконец, потому что так страшно молчать
в той густой слепоте что у вас называется смертью

замолчи замолчи ангел ты или фавн кто ты пахнувший плотью и кровью
медом и молоком замолчи безрассудный живой
безнадежный безумный посмевавший спуститься сюда
в пустоту и песок в мой стеклянный зверинец
слюдяной людинаец ледяной зачарованный сад?

castaños y castañuelas

мне становится страшно, когда люди наступают на каштаны,
раздавливают их блестящие мавританские головы,
похожие на карие глаза,
их беленькие смеющиеся мордашки.
что колючки против подошвы? природа несовершенна.
еще страшнее, когда на них наезжает автобус.
(я закрываю глаза и думаю: в каштане мина,
он сатиновый шоколадный усама бин ладен,
но в голову лезет детство: у сома усы, чешуя в заплатах)
не то, чтобы я террористка, я каштано-арассионата.
вот он и роняет на меня крученые листья,
как предметы нижнего туалета скатывающиеся чулочки,
трусики, лифчик; абсолютно раздетый,
каштан из женщины обращен в мужчину, гордо вздымает ветки,
страстно вздымает ветки, его партнерша бесплотна,
она играет с ним в жмурки, делает ему больно,
целует кожу, щекочет корни,
оборачивается мальчиком, обнимает ствол,
смеется, делает ему больно;
от этой боли сыпятся вниз каштаны —
твердые, мужские, предательские слезы,
каштан обращается в женщину. это больно.
это больнее, чем обращаться в мужчину.
он терпит.
природа несовершенна.
в следующий виток боли она, наверно,
обратит меня в колючую скорлупу каштана.
прошу тебя, ходи осторожно.

Мария

1
рифмы мариинерукотворны
она застревает на внутренней рифме
и повторяет любимый любимый
чашку свою разбивает и кошку
отшвыривает как шапку и водит
пальцем по кафелю воображая
что кафель горячая нежная кожа
немого мужчины. мария
незамужем. незащитно-изящна
любит случайно и безнадежно
живет как заезженная пластинка
зажеванная оливка мужчина
ее уже не мужчина а ангел
и кафель застывший кофе
в профиль похожий на асфодель
любовная лодка села на мель

2
вы ли выли? мыли мы воем душу,
выли выли, да не вытянули волю божью.
вывыли мы, взмыли, взмокли,
взмыленные, примчались к мариин.
мария в слезы, а мы ей лилию,
но мариин больно, она все равно в слезы.
мы бились бились буянили барабанили влезли.
внутри мариин красно горячо тесно,
мы вылезли и вздохнули.
выпуклая как буханка,
натянутая как новенький барабанчик,
мария плачет. в ней мальчик пока еще с пальчик.
жалко мариин, мария жаворонок из стали,
у нее тело из тюля, а кость из мела,
сердце мариин пепел в перчатке из шелка,
мы втыкаем в него иголки, проверяем: а жив ли мальчик?
мария плачет.

Юдифь

голова олоферна плачет: зарой меня в землю,
как вырастут на том месте розы, срежь, подари любимой
они заплачут росой: юдифь, ты ли была несчастной
ты ли была нелюбимой ты ли была не помню
я ли твои незабудочки очи выпил
я ли твои неласточки плечи гладил
я ли твоим речам верил рыжая сука

спустится див унесет юдифь в несветлый
небесный шатер. скажет юдифь оттуда:
я ли тебя не любила я ли тебя не помню
я ли твою голову в фартуке прятала как ребенка
принесла в подоле матери сказала спрячь это мой жених ему больно
а на крещение боб вылетал из круга и рыжая тыква
лежала как голова на моей постели
я ласкала ее качала ее на коленях
и засыпала видя во сне мертвого олоферна

я бесанулась ночью в три часа

*Я сошла с ума, о мальчик странный...
Анна Ахматова*

1
я бесанулась ночью в три часа.
меня оса
слепая укусила.
прошла насквозь стрелой золотой,
безумная,
а я стою босая
ах, злодейка,
так беспощадно грудь мою покинуть!
возлюбленный,
не ты ли вместе с нею?

2
мне говорили, так бывает. полдень
случится в полночь,
бес изыдет дымом,
а ангел — пеплом. дочь родится дурой,
а отрок — крестоносцем-трубадуром,
и надо всем звенящая оса,
безумная, во золотой короне.

3
мне не сказали, что она войдет
и сразу выйдет. где-то между глаз.
чуть выше.
чуть болезненно.
бескровно.
мы в салочки играли с провиденьем,
меня осалила земная благодать.

идет бычок, качается...

белолобый от боли бычок идет
шатаясь шатаясь шатаясь
сейчас упадет
бычок тупогуб
неуклюж и нелюб
бессловесная безобразная тварь
а жалко
у него губа
губу проткнули крючком
как у рыбы
рыбу не жалко
а бычка жалко
он хороший
у него челка
и бочок налит молочком
мамочкиным
у него животик в горошек
он плюхнется на него и молчком
даже мычать не может
вот и я
чуть-чуть на бычка похожа
ни заплакать
ни замолчать
ни рассказать тебе не могу

Чайльд Роланд

о сколько раз мне вымерять конем
всю эту боль не повторившись клеткой
(грудной ли шахматной) ни ложью ни спасеньем
чтоб каждый день очухиваться снова
у проклятой роландовой твердыни
и биться в колокольные ворота
и повторять: меня зовут чайльд роланд
а мою даму чайная чума
не будете ли вы любезны рыцарь
признать ее прекрасней всех на свете
чтоб мне не страшно было умирать?
но башня отвечает мне молчаньем
и в этой бесполезной тишине
я слышу приглушенное дыханье
осыпавшихся желтых лепестков
они стоят за мною павшей ратью
небесным золотистолобым братством
шепча: пусти — иль отпусти меня
мне имя легион. мне имя тьма

2

каким бы цветом я не красил сталь
и чей рукав бы не крепил на древко
мои доспехи изнутри черны
и без конца кровят снаружи
я похоронен заживо в себе
как в самом прочном из гробов хрустальных
о кто придет меня поцеловать
не побоявшись приподнять забрало?

Средневековье

прекрасный рыцарь
скинув панцирь
отважно обнажает сердце:
набитый волосом и стружкой
мешочек скроенный подружкой
из лоскутков вчерашних платьев

а злой дракон
на красный перец
похожий: скользкий длинный острый
повержен на куски порублен
лежит на круглом синем блюде
как средство от потенциальных
потенций рыцарских утех
и убления подруги

Дэвиду Дэнду, человеку и канадской яхте

его душа раскалена
на медленном любовном гриле
как золотого каплуна
блаженно тлеющая тушка
какая шелковая нить
ему мешает шевельнуться
как душист пряный аромат
медовых молодильных яблок
наполнивших живот и пах
златыми язвами покрывшись
как будто рыцарской броней
о как же так о божежмой
он молодеет на глазах
влюбившись, чтоб его, влюбившись!

сказание о лисе

1
обещай мне, что ты никогда-никогда.
обещания чем-то похожи на жаворонков
завязнувших в липком тесте слоеного королевского пирога.
маленький лис запутавшись между папоротниками:
тяф-тяф-тяф-тяф, а у вас на планете есть
жадные хрупкие жаворонки? —
тяф-тяф-тяф-тяф, приручи меня
ну пожалуйста ну по-жавороночь
сделай начинку в слойке случайных пьес
в которых ты играешь сквозные роли
создаешь узы занимаешься с кем-то любовью
бежишь за кем-то по голубому полю
котре называют небом слушаешь чье-то дыханье
боясь что разбудишь боясь что останешься
боясь что останешься дольше чем на ночь
что усталость тебя оглушит под подушкой что жалость
привяжет тебя к сумасшедшему дому
внутри тебя. ты же путаешь жалость и нежность
тяф-тяф-тяф-тяф ну пожалуйста
обещай мне, что ты однажды.

2
расшитые души не сожмешь лонжероном
лисе душа моя с землею расшита с людьми разорвата
страшно мне лисе стыло мне лисе
розы мои в ризе
их очи долу их риза белого цвета
лисе скажи кто меня на земле по полям отпевает
душу мою неволит держит как змея в небо пускает
и не отпустит кто меня отпевает лисе
знаю твоя золотая шкурка лежит на божьих коленях
он ее гладит лицо в нее прячет бормочет четки перебирает
лисе скажи ему: жутко мне я играю в жмурки
со смертью боюсь когда женщина засыпает рядом
сын ли я ей любовник ли я не помню
отворачиваться нельзя а смотреть больно и касаться больно
поэтому лежишь несешь сторожевую вахту
елочный стеклянный пони плывущий в вате
оказывается разбиться гораздо проще
еще проще не думать

De profundis

скорописью ведущего бортовой журнал
на корабле, погружающемся на дно,
вывожу: вода как шелковая паранджа
пеленает меня, наверное, я умру
вывожу: любимая я давно
мертв я более мертв чем в кино
это оказывается менее чем смешно
это оказывается некрасиво

знаешь, любимая, я вижу тебя на дне,
ты вся светишься, вне твоих вен
жизнь, белая кожа, розовый плеч,

и я все-таки не настолько мертв,
чтобы не захотеть тебя до ежа в груди,
прости,
если что не так,
если я недостаточно романтичен.
память — коварная тварь,
каракатицей в голове пятится, упирается в день-
когда.

знаешь, кругом вода,
и мне кажется, это ты
выросла до пустоты,
чтобы взять меня насовсем,
женское — поглощать,
мужское — жалобно ты-
каться в пустоту, как щен,
спрашивать у тебя, зачем
я еще жив, не вредно ли это для
нашего будущего: смерть не более, чем предлог
для того, чтобы рассказать, что жив,
для чтения между строк
лжи.

Porphiria`s lover

что ты черный делаешь черный ночью
в моей постели слышишь как мимо мчатся
всадники — мимы и маги четкой отчиткой чечеткой
дробь их сердец чугунных что ты чувствуешь черный
чуешь ли, о котором — гнедом, что промчался слева,
рыжем ли потном справа, в яблоках посередине,
мечтаю? слышишь, в моей утробе
чужие фиалки мечутся, лепестками
бьются, шепчутся, ждут, того, белолобого, справа,
или срединного, в яблоках, с душной челкой
черный, что ты делаешь, черный, терпишь
боль эту в животе, беребишь смущенно
ресниц моих бахрому, думаешь обреченно,
кем я пахну — гнедым, что промчался справа
или рыжим и жадным? водишь упрямым пальцем
по коже нежной, остывшей, черный,
беспомощный мой могильщик?

про Емелю

расступись, земля, развернись, изба, раззудись, рука,
дурака, ох господи, дурака — чья нелегкая, а его — легка
уж на что тонка я — его на руках несу
спотыкаюсь, падаю, но люблю — все равно несу
и теряется смерть, не зная, за что хвататься:
то ли за сердце, то ли за косу

ох емеля скоро ли вымелешь боль свою лютую боль
бог отмерял тебе немеряно — сыпал сквозь решето
господи кто я никто но за мной любовь
сохрани любимого моего

щукой оборочусь за щекой пряча отче наш
и богородице дево — меня отдашь
богу воды на откуп и дальше себе пойдешь

вот оно, русский размах, русская канитель!
едет емеля незнамо куда в беспросветную белизну
и непонятно, то ли емеля метель,
то ли метель емелю

Сад

что я делаю, боже? сажаю сад,
из ветвей моих растут человечьи глаза,
соловьиные языки, собачьи сердца, павлиньи мозги,
тоска моя небо без дна и устья, голос моей тоски
ветер, называющий по именам
каждого из детей — это глаза Иоанна Павла Андрея Петра
это язык безумца бездаря златоуста
это сердце верного бедолаги дворняги дурня
это мозги казановы феникса иностранца
что вы видели пели чуяли что вам снилось
бархатной сумасшедшей расхристанной ночью
когда я пыталась пламенных незнакомцев
водяным столбом над душой стояла
заводила в сад свой певучий зрячий
милосердный сад мой, разумный сад мой
превращала тела в деревья, впускала души,
что я делала, господи? сад сажала.

что ты делаешь, боже? пытаю сад,
он теряет голос, он сипнет, слепнет,
сходит с ума, становится бессердечным,
ничего не помнит и знать не хочет
в плоть мою словно в землю пускает корни,
притворяется срубленным во плоти, вишневым
пьет мою кровь, щекочется в междуребье
(превращается в моей голове в джунгли,
превращается в моем сердце в дебри,
разлетается колибри, пыжится тигром,
пялится на меня прохожими, кусается гончими)

господи, неужели все кончено? неужели
ты убил мой сад, затравил меня в тело,
закрыв крышечкой темечка, не оставил окошка,
положил в колесо беспамятства,
пустил по реке времени,
пльви себе дикая, неприрученная,
джунглевая, жонглерная, зазубренная,
ибо я твой сад на крови, горячий
сад живой, настоящий, певучий, зрячий,
милосердный сад твой, разумный сад твой.

P.S.

1

абонент временно недоступен.
абонент временно не отвечает.
абонент болен.
абонент сердце.
попробуйте до него достучаться.
может быть, у вас выйдет.
он вне зоны действия ваших мыслей.

абонент временно заблокирован.
у абонента тромбы,
закупорка трубок,
может быть, инфаркт миокарда.
абонент временно умер.
сошел с сим-карты.
дозванивается богу.
попробуйте позвонить позднее.

2

апофеоз пофигизма
ангелы входят в раж
закрывают рай
торгуются баш на баш
господи, ты же тоже врешь
прослушивая автоответчик молитв
приговаривая — меня нет,
поболит отпустит, я же не айболит,
ничем не могу помочь, а выслушать лень,
бурда ваших будней, любовь-морковь, прочая дребедень,
я умываю руки, если чернь говорит убей,
ваша жизнь для меня — ебау,
метафизический интернет
одного продал, другого купил, бывает, что не успел,
иногда винтаж, иногда — свежесозданная модель,
а вы смотрите на меня сквозь витраж,
повторяете, отче наш,
за что?

JESZCZE POLSKA NIE ZGINELA

Плиний Тиرونу — привет.

Пока я был за Падом, а ты в Пицене, я меньше скучал без тебя; теперь, когда я в городе, а ты все еще в Пицене, скучаю гораздо больше, потому ли, что сами места, где мы обычно бывали вместе с тобой, живее напоминают тебя, или потому, что тоскуешь по отсутствующим особенно остро, если они недалеко: чем ближе осуществление надежды, тем нетерпеливее ждешь. Что бы ни было причиной, избавь меня от этой муки.

Приезжай, или я вернусь туда, откуда безрассудно уехал, — вернусь, хотя бы ради того, чтобы узнать, будешь ли ты, оставшись без меня в Риме, посылать мне подобные же письма.

Будь здоров.

Радуйся ладо

1

радуйся ладо ты меня не услышишь
сердце большая трубка большая губка
впитывает в себя соль собирает мусор
ходит себе словно ангел сквозь мясорубку
что тебе ладо? мне ничего не надо
нет ничего мне дороже тебя дороже
ладо лошадь в сердце моем шевелит губами
сахар жует и кунжут, которым ты ее кормишь
странная лошадь, знает, что значит страшно,
знает, что значит больно, прядет ушами.
радуйся ладо ты меня не увидишь
сердце большая трубка большая тряпка
выплачешься и выжмешь. и кажется легче

2

ты не попросишь. я не останусь.
день продержаться, ночь продержаться,
после отставить
где-то в заморье, зачеловечье,
ты был мне мужем, ты был мне сыном,
я тебе жизнью, я тебе дочкой
это неправда. тоже неправда
кто из тумана выйдет с косою?
пусть уже выйдет.

Metissage culturel

У нас ведь в городе вот что случилось, рассказывал мне Уильям Кохински, маленький француз с зелеными как небо глазами, приехали цыгане, стали требовать, чтобы мэр дал им работу, во Франции же свобода, равенство, братство, каждый делает, что хочет, а они занимаются починкой всяких там вещей, ну ты знаешь это слово по-французски: лудить, кажется, так это будет по-русски, или паять, я не знаю этого слова, я не поняла, он говорит быстро, а еще у него уголки глаз опущены вниз, как у Хью Гранта, англичанина, ну, приехали цыгане, им дали работу, а они выставили счет, ничего общего с тем, что они сделали, мэр платить отказался, и тогда за ночь город наполнился караванами, ты же знаешь, они живут в шатрах на улицах, они ненавидят дома, так вот, в наш маленький город пришло около сорока караванов, пестрых, шелковых, живых, они шумели, кричали, переливались всеми цветами радуги, и что мы могли поделаться, пришлось заплатить, и тогда они ушли, и в городе воцарилась тишина, как будто все внезапно оглохли, или онемели, даже говорить не хотелось, и еще стало серо и пусто, вот ведь, а, рассказывал мне Уильям Кохински, француз с зелеными как небо глазами за минуту до.

А это моя сестра славянка, ты же откуда, из Польши, да, говорил мне Жан-Пьер, двухметровый фиолетовый негр с круглым лицом, вращая белками и скаля белоснежные зубы, оного какие крепкие и белые, нет, из России, я так и думал, а я русский, я учился в Москве, что, не веришь, я русский, бон суар, мадемуазель, звон монеток, два сорок, мерси, звон монеток, о ревуар, а ведь ты не веришь, а ты напротив живешь, а мы все равно соседи, пошли с нами, мы праздник устраиваем, а за его спиной маячит низенький, узкоглазый, желтолицый старичок, так обычно китайцев изображают, что, не пойдешь, зря, ну русский я, русский, бил себя в грудь двухметровый фиолетовый негр за минуту до.

Ага, наш большой брат Россия, говорил мне Януш, мелкий чернявый болгарин, болгаренок даже, похожий на цыганенка, в алой рубашке и шелковых штанах, а мы теперь не с вами, мы теперь с поляками, мы в НАТО, мы вас не любим, а ты чего сюда пришла, тебе тут нечего делать, это польский вечер, а вы, русские, еще хуже поляков, вот поляки, например, они никогда тебя пивом не угостят, это только у болгар душа нарасташку, но вы, русские, вы еще хуже, мне даже пива от вас не надо, говорил мне Януш, чернявый болгаренок в алой рубашке за минуту до.

Моя роджина в Варшаве, внезапно сказал Марио, полулитовец-полуангличанин, лысый, в бандане, с длинной серьгой в левом ухе, с английским лошадиным лицом, а я устраиваю полоно-индийский вечер, если хочешь, приходи, у них очень интересная культура, у нас тоже, и потом, это же бывшие наши колонии, то есть, английские колонии, а я поляк, я там был несколько лет назад, верней, я литовец, но это же когда-то была одна страна, а вообще, ты интересным делом занимаешься, но тебе нелегко будет, сразу говорю, людей организовывать всегда сложно,

особенно если проект большой, с идеями нет недостатка, а вот с организацией, внезапно сказал Марио, полулитовец-полуангличанин в бандане за минуту до.

Алессандро Едловски, большой, львиный итальянец, смешно размахивающий большими, удивительно ухоженными руками, рассказывал, что в «Граффити» Кальвино его поразило то, что город это место небытия, несуществования, а значит, и мы все тоже не существуем, и он размахивал большими руками и чертил в воздухе свой несуществующий город, этот большой, львиный итальянец Алессандро Едловски, за минуту до.

А я доказывала, что польского во мне большего, чем русского, ну и что, что фамилия у меня словно бы итальянская, а Куба Ваного, который называет меня Ксюньюшкой, Куба, плотный, квадратный какой-то каштановоглазый поляк с каштановой же гривой, который недавно сбрил бороду и усы, похожий на знакомого венгра Имре, который называл меня в детстве «нюси-пуси» и таскал на руках, смеялся и советовал мне сменить национальность, и дергал за красное пальто, а я расстегивала пальто и демонстрировала белое платье и говорила, что это польский флаг, ага, польского в тебе больше, а я-то сразу и не заметил, смеялся Куба Ваного, квадратный каштановоглазый поляк с каштановой же гривой, но без бороды и без усов, за минуту до,

и тогда я поняла, что они все настоящие;
странно, странно, что я никого из них не выдумала.

* * * (русский в париже...)

Русский в Париже: поддержи меня господи еще хоть немножко
Притворись что я не я а воздушный шарик

смякнется над головою небо анна под прозой жизни
страшно смеется надо было под поезд
а не под мальчика с греческим телом с гречневой страстью
а не под серебряного польского шляхтича что как шлюха
торгует своей приязнью точеной костью
и родословной от чучела на погосте в далекой Варшаве
а боль заразна — я теперь тоже полька
я хочу в Польшу я хочу в Польшу я хочу в Польшу
от этого боль не станет ни больше ни меньше ни дальше ни дольше
а только гуще
надо было под поезд и всмятку да только страшно
я же так люблю костелы и маки
колокола и платья
а что из меня вывалится наружу я же этого не увижу?

что это братья славяне мы все о муке?
что это сестры славянки мы все о боли?
это особая панславянская доблесть
так узнаются в беспамятстве други-подруги

Русский в Варшаве: боженька мой хороший, пусти на волю,
Разожми руки, пожалуйста, разожми руки

* * * (to Bartek Remisko)

эта щенячья, ретриверовская, золотистая грация, юношеская грация, ну нельзя в двадцать семь нравится всем, это уже какое-то бессмертие в венеции получается, а у меня от такой улыбки в подложечкой картонная балеринка, и крутится-вертится, и вниз головой переворачивается, а у меня ах, сводит скулы от воспоминаний, да так, что я шесть лет держалась, а тут не выдерживаю, догоняю в коридоре, спрашиваю, нет ли у тебя учебника — как школьница спрашиваю, вся из себя такая красивая, как тюльпанчик, в своем красном платьице, затянутом на тали--и, а он нравится, чувствует, что нравится, и ведь не в нем дело, а в том, другом, который непонятно где, в Москве, в Нью-Йорке, но тоже знает, что, уверен, что, никогда не поверит, что нет, по-собачьи, значит, чувствует, и этот, ретриверный, непохожий, но с такой же улыбкой, тоже чувствует, потому и улыбается так же, так, словно весь мир с ним вместе должен радоваться, словно и у тебя должно что-то там внутри от радости кувыркаться, и говорит — нету, но надо достать, и тебе надо, да, а мне надо вырваться из собственных воспоминаний, ну нельзя же стоять и глупо так улыбаться, растягиваться в улыбке, вставать на цыпочки, путать слова, так, чтобы ему приходилось морщиться, чтобы меня понять, но боже, откуда эта щенячьест, шесть лет назад, кто-то другой, такой же золотистый, с такой же улыбкой

Польскому другу

вот и мы с тобой сидим
в мертвом доме в мертвом теле
на железном сундуке
и по прянику в руке
расскажи мне не таясь
что мне делать что нам делать
в этой боли беспардонной
в этой мели закордонной
закадычным иностранцам
беспечали-налегке?
не зови меня подругой —
в нашей памяти изустной
в нашей страсти безыскусной
нет ни слова о любви
полугоречь полунежность
как в соборе на крови:
лишь затертый катехизис
страшной юности моей
эта мука эта вьюга
эта драная постель
да измученная близость
двух обиженных детей
неделимого наследства
потому я откровенно
безнадежно внутривенно
доверяюсь как врагу
мы с тобой близки настолько
что настолько далеки
что с тобою рядом сида
я чужой быть не умею
и собой быть не могу

Ты глупая,

говорит мне Миколай, хлопая длинными, собачьими прямо-таки ресницами, красивая, но глупая, хоть и умная, ну что ты к нам ластишься, ты нам все равно чужая, а, пусть и красивая, ничего, что я говорю по-польски, а на каком, кстати, я говорю, а то я уже даже не чувствую, когда переключаюсь на другой язык. Миколушке двадцать четыре, он краснеет, аки девица на выданье, в ответ на каждое обращенное к нему слово, у него каштановые мягкие глаза и нежный овал лица, он хлопает пушистыми ресницами и краснеет, как девица, когда с ним говорят, но я молчу, я забила в самый дальний угол, на самый низкий стул, фактически под столом, я осторожно виляю хвостом, плотнее прижимаю уши, помнится, Бандик так делал, когда боялся, мне двадцать четыре, я ярко крашу глаза, зеленые, дымчатые, и совсем не крашу губы, а Каролина наоборот, совсем не красит глаза один ее глаз, карий, влажный, с золотистой апельсиновой корочкой вокруг зрачка, никогда не закрывается и ярко красит губы, ей двадцать шесть. Мы сидим бок-о-бок, прижавшись, касаясь друг друга мраморными, узкими плечами, русская и полька, щенок и волчица, я боюсь, прижимаю уши и виляю хвостом, я на всех ворожу, загадываю любит-не любит, а она щерится, чувствует себя в ударе, смеется низко, призывно, и все заворуженно загадывают любит-не любит? И вот Миколушка, ласково, девичьи, целомудренно улыбаясь, говорит мне, что я глупая, а Каролина смеется, а потом сжимает зубами длинный свой мундштук, сексуально так, задорно, невнятно, и говорит правда, она, я то есть, похожа на бриджит бардо теперь? Особенно, когда так вот забивается в угол и молчит, закрытая длинной челкой, пепельной чадрой волос, я видела фотку сегодня, похожа, похожа! И Миколушка, кажется, еще чуть-чуть и в обморок упадет, но согласно кивает. Да красавица она, красавица, вмешивается Куба, а я затравленно оборачиваюсь. Дым и джаз, клубящиеся густые бессмысленные разговоры, еще чуть-чуть и полночь, закроют метро, а мне же никто из вас по-настоящему не нужен, даже Миколушка, я просто нечеловечески устала, а дома меня никто не ждет, поехали? неуверенно спрашиваю в никуда.

Жарлин

Я блондинка в джунглях кудрей.
Я называю себя Жарлин.
Каждое утро рисую баутту на пол-лица,
Вспоминаю отца,
Он говорил: никогда не взрослей.
Кожа моя мурано, крашенное стекло.
Вряд ли отец вспомнит, как он меня назвал.
С тех пор столько воды утекло.

У моего мужа квартира, окна на Vert-Galant.
Как же, помню: Зеленый Рыцарь. Король Артур.
Он кокетлив, кокетлив и вечно пьян. Блондин.
У него еще целый зверинец таких же дур.
Но в принципе, мне все равно,
Я-то знаю, что лучше всех.
Ну да, мурано, крашенное стекло.
Ну да, беззастенчиво влюблена в другого

Я говорю по-польски.
Выворачиваю наизнанку родной язык.
Мужу-то легко, он поляк, с рожденья, поди, привык.
А я лгу насквозь от жалости и тоски.
Ванда говорит: раз фамилия у меня на -ски,
Значит, шляхетский род, взбалмошная душа.
Ванда сама хороша
Черное платье, красный корсет, чулки.
Кольцо на левой руке.

Муж говорит, она полька, а я фокстрот.
С ней легко, а со мной дети и сад.
Это как любовь и набитый рот.
А я говорю, хреновый у нас полонез,
Не могу танцевать без слез,
Но и без тебя не могу, без твоих глаз,
Без беса, который в тебе живет.

Муж говорит Roland, я говорю Роланд,
Правда, что в прошлой жизни ты был герой,
Ну и что, русские налетели как тля,
Взяли в полон Полонь да сожгли до тла,
Это же от любви, да?
Ты же меня тоже бьешь, если сильно пьян.
Так и живем уже энный год

В феврале мне исполнится дцать-дцать лет,
Еще чуть-чуть и я стану себе изменять.
Скажу мужу, что дура, ушла в поля.
Любовнику скажу, дура, ушла домой.
Ну конечно, пойдут кривотолки, но наплевать.
Пойду в театр подглядывать из-за кулис,
Расшивать бисером чресла актрис,
Думать: дура, господи, и чего это я...

P.s. Все имена и черты лица были изменены

* * *

а боль поет изо всех щелей
на тысячи голосов
я закрываю дверь на засов
она в окно
я закрываю окно —
она уже здесь
легка легка
ложится ко мне в постель
и нет никого нежней
и нет никого нужней
словно тело мое ножны ее клинка

Теория визуальной поэзии,

Бартек, галантно отвечающий на мой вопрос, ты знаешь, что такое визуальная поэзия? — могу себе представить: то, как ты выглядишь; он спал бы со мной, будь я полькой, он женился бы на мне, будь я американкой, он восхищается моим характером и презирает мою русскость.

Копирую текст — что ж, тоже своего рода визуальная поэзия — мысли переплетаются с текстом и цветом платья, ах, да, опять я не дошла до прачечной, Пикабия, книжка из универсской библиотеки, биография Пикассо, ну конечно, Пикабия, и почему я сразу о нем не вспомнила? Полночь, кто-то позвонил, я не взяла трубку, потому что некому мне звонить, «интерес к Дада проявляли не только художники, но и поэты». Все завязано каким-то узлом, жизнь, искусство, афиши — бесконечная беготня по Парижу — из культурного центра в культурный центр, кофе, печатный двор, банкомат, кофе, господи, как я люблю взбитые сливки, я и кофе заказываю только ради них, жду Каролину в центре Парижа, кафе. «Современный художник Перфетти (1995) использует обрывки газет в своем коллаже, чтобы лучше подчеркнуть идею разорванности современной жизни». Удар в поддых — Москва, ночь, Женя, показывающий мне любимую картину американца — которая висит в холле у знакомого американца в далеком штате Монтана, он там был, да, а еще у американца умерла кошка, и он никак не женится, все девочки-девочки-девочки, а картина Перфетти, блондинка посреди города и ворох розовых машин, из-под которого проглядывают газетные заголовки, Женя, пепельный в рассветных сумерках, стряхивающий пепел в вазу, которую мне кто-то когда-то от большой и чистой любви подарил, ну да, так, нежных имен у меня святцы, сорок тысяч и меньше, чем один любовник, — Каролина вечером, презрительно отшвыривая верхнюю булочку чизбургера: принести всю свою жизнь в жертву одному человеку? Боже, какая у вас средневековая гордыня — интересно, она когда-нибудь перейдет со мной на ты, или всегда будет это неопределенно-неличное “вы русские” — а дальше что, замуж? нет, я не хочу за него замуж, у Каролины бордовый жакет, рассыпавшиеся бусы, шрам над правым каштановым глазом, отчего глаз этот неподвижен и всегда открыт, официант, как-то томно и пошло говорящий ей, я хотел бы выучить географию вашего тела, Каро багровеет от ярости, krol Karol kupil krolowej Karoline koraly koloru koralowego, лезет в голову польская присказка. Каждый вечер расписан, billet doux, если бы, все же bilan officiel, лежа в темноте в монастырской тишине в полном и изрядно надоевшем одиночестве, ругая себя за то, что все так сложилось, я не перебираю факты, не называю ничьих имен, не задаюсь глупыми вопросами, не мечтаю, чтобы кто-то оказался рядом или хотя бы услышать голос, я просто

хочу объесться мандаринами. до боли в животе. помогает, знаете ли. мне двадцать четыре года, я говорю по привычке, что двадцать три, так называется специфический вид коллажа, где используются фотографии и вырезки из газет и журналов, нужно за что-то держаться, а все выскальзывает из рук, зыбко, зыбко, Збигнев Ивицки, высокий блондин из эглиз полонез, средневековый жест — вода в ладонях, задержать ладонь, задержать улыбку, замешкаться, поймать взгляд, вы хотели бы? Кофе. Ерофеев — «самое красивое в русской жизни — гульба. Мы загуляли. Я гляжу: а глаза-то у него голубые-голубые». Ага. Визуальная поэзия.

как владислав одонич изгоняется из своего тела

в день разделения архангелов на лодочников и бражников на хлодвигов и ярославов на души и девушек владислав одонич стоит один почти прозрачный безумный страшный.
заговор черноглазый на сердце отчитывает хоронит.
всходит сердце в нем словно солнце, тонет сердце в нем словно солнце, стонет.
никто руки ему не подаст

радуйся архистратиг Михаил собеседник господа Моего радуйся архистратиг Михаил шестикрылых крепость радуйся архистратиг Михаил имеющий пробудить от века почивших радуйся архистратиг Михаил плоть от плоти престола Божия

вот стоит владислав одонич бездонный как длань господа Моего возвести о нем на небе и на земле о зольной муке его русом колоколе кованном колпаке
как сад в нем сгорает в самом цвету как речь посполитая замирает захлебывается в нем ибо горлом кровь а из плоти меж ребер хоругвь за хоругвью выходят безмолвные вера надежда любовь
в летописях выгорают слова похожие на листья разбредаются по лесам эпох золотят пути твои господи словно мед вступающий по краям пирога твоего раны твоей удельной и ты идешь

а владислав одонич далек и темен как башня вражья. варшава взята и в сплети грудной ликование в свити грудной хрипенье и кажется будто не выдержит склеп грудная и хлынет оттуда вода очищающая мой грех только он посреди воды выстоит и посмотрит в сторону моей боли и радость вскинется словно конь и утихнет и я рукой зажму рот чтобы не выпустить слов

в наших собачьих мрут а не плачут чего ты хочешь? сердце мое давно уже в длани твоей
владислав одонич коханье волхованье медленно словно лед движется темная страсть тонет.
кто глаголет от имени господа Моего? скачет ко мне одвуконь вестью благою размахивая сминая маки и незабудки крестную муку клевером вея по полю?
кем-то станет душа его когда я вырву себя из себя ?

С поляком в Париже

1

драным дольником расшитым дарлинг я плачу долги
то ли речи посполитой кривотолки далеки
то ли шляжетская гордость от постели отвела
то ли утро то ли больно то ли просто немила
сердце воеет как шарманщик то храня то хороня
что ты хочешь друг незрячий друг не чаящий меня?
кресс-салат кроссворд страданий слов неискренний корсет
я не верю я не знаю что тебе мон пти кокет?
панславянская соборность псевдо-польская зола
улыбаюсь как знакомой matka боска как дела
богомолье кофемолке замели займи залги
ты да я да мы с тобою мука-полька в три руки
голос утренний дерюжен в моем зеркале мертвец
будь мне братом будь мне мужем стань хоть кем-то наконец

2

Любовник сух и розов. Он высокий.
Он в шляпе с галунами.
Между нами
Проскальзывают табунами рыбы,
Отчаянья, течения и токи.
И ангелы случаются, и веки
Смыкаются. Но мы молчим об этом.

3

можно прожить всю жизнь стоя
целовать яцека лишь потому что он яцек
а не скажем женька
ненавидеть русских
креститься слева направа
(как будто грудь зашиваешь)
пшекать и харкать кровью
потому что сердце не там где надо
странно и бестолково
то ли его забыли в карман засунуть
посадить на цепочку сделать часами
то ли не было его вовсе
вот и брань твоя мне чудится лаской
послушай меня послушай
во сне я смеюсь по-русски
и не притворяюсь

4

у меня нет ног у меня есть душа в этом так мало смысла
я говорю по-русски ты говоришь по-польски
разница на полтона от этого больно
как будто кто-то из нас лжет безукоризненно чисто
не оставляя следов
мне больно ты выше конечно ты выше ты закрываешь дверные проемы
спрашиваешь почему мы русские плачем молча
почему я хожу в шляпе сколько у меня наконец юбок
фамилию моей бабушки где она жила в польше
твое лицо становится обреченным треугольным тревожным
а я говорю — женись на мне раз уж так получилось
обними хотя бы я же не устраиваю истерик
как это будет по-польски? ах да, na zdrowie

Праправнучка Ягеллона

А мне кажется, что я дибук, что я повторяю судьбу своей прабабки, у нее, кстати, был муж-русский и любовник-поляк, или наоборот, муж-поляк и любовник-русский, но это неважно, зато они умерли в один день, и муж, и любовник, а может, это бабушка придумала, она любила красивые истории про себя рассказывать. Я от нее это унаследовала, сижу тут у Михала, он напротив сидит, встать, говорю, в присутствии потомка Ягеллона. Сама не знаю, почему это у меня вдруг вылетело, встать, говорю, я пра-пра-пра Ягеллона, и он отшучивается, но встает, и в глазах какое-то уважение на всякий случай, а вдруг, и правда, пра-пра-пра Ягеллона, кто их разберет, этих русских, где они спяну, а где правду болтают, а если правду, то разве можно сидеть в моем присутствии? Встать, я тебе говорю, чучело полоньское, и какая разница, чья я внучка Ядвиги или Екатерины, но стоять тебе не перестоять в моем присутствии, пока ноги не подкосятся.

А я потом еще раз соврала, уже Каролине, пока мы в Макдональдсе о рыцарях рассуждали, она мне рассказывает, как в детстве ездила к тете в деревню, обряжали ее в шелковую рубашку, и сидела она пол-вечера у окошка, и ждала, что рыцарь ее приедет, на коне конечно белом, но мы-то, русские, знаем, что рыцари на конях давно не приезжают, верней, не на конях, и не к нам, это к прабабке моей, что в мужьях и любовниках запуталась и родилась в Варшаве, той прабабке, которая двоится у меня в памяти, чтобы доказать польское мое происхождение, к той едили. К ней нельзя было не приехать, такая она была. К ней, без рук, без ног, а ездили бы, и стояли, как вкопанные, и слова сказать не смели, ни вдоль, ни поперек, и она ни слова не вымолвит, только сверкнет глазами, поведет плечом, и тут уж, с конем, без коня, а поедешь, потому что света белого видеть после нее не хочется. И тут я подумала про нее и говорю, а что, Каро, если мой род к Ягеллонам восходит, мало ли, какими там путями окольными, но есть семейное предание у нас, и очень им прабабка моя гордилась, потому и не выходила замуж до революции, себя боялась запачкать, а потом пришлось за кого попало, так она ни ему, ни себе это не простила, в любовниках у нее граф Н-ский ходил, его отец мой еще помнит, а до этого у нее еще кто-то был, который умер в один день с мужем ее, война же была, и неизвестно, по кому она соблюдала траур. Странная она была, она со мной, двухлетней, на вы разговаривала, и все по-французски, вы, говорит, ксения, пур гран или пур пети хотите, и чтобы я не слышала от вас этого вульгарного русского. Она только в старости отошла от своего высокомерия, отплакала, говорит, и никто так и не узнал, по мужу, по любовнику или по себе она тосковала, только, говорит, век мой кончился тогда, когда русский солдатик петьяк раздавил сапогом фарфоровое личико моей куклы в варшаве, тогда и кончился, а она из окна почтовой кареты все смотрела и плакала, хотя, про карету это я, наверно, уже придумала, но

кукла была, и брат был, в пажеском корпусе, в бархатных штанишках, с локонами льняными, сам куколка, а не мальчик, но умер рано, и кукол ненавидел, все им лица фарфоровые бил, а потом кричал, смотри, натка, мертвые твои куклы, так и умер рано, шестнадцати не было ему, страшно умер, прабабка сначала смеялась жутко так, тихо, мол-де, отомстились ему мои куклы, а потом говорит, не могу я без него, и вышла замуж непонятно за кого, чтобы выжить, и никогда этого не простила. Ни себе, ни мужу, ни братику мертвому, ни одному из любовников своих. Мне только простила, потому как я на свет появилась, когда ей уже за восемьдесят было, она уже отплакала свое, она уже любить захотела, и привычки у нее остались коммунистами не вытравленные, кружевные воротнички и маникюр, сто лет, а маникюр идеальный, и губы подведены, и любила она только папу моего, он брата ей напоминал, и меня, как фарфоровую куклу, а меня она учила, вы, говорит, ксения, помните, что кровь в вас королевская, неправду говорят, что голубая она, черная она, страшная, тяжелая, но не повторяйте моих ошибок, не разбавляйте ее, ибо не даст это счастья ни вам, ни детям вашим, ибо не смешиваются крови, не забывают прошлого, не прощают нам жизни нашей, и кто знает, может, и бог в крови обретается, а вы, я знаю, никого счастливой не сделаете, у вас дар несчастья приносить, как и у меня, и никто вам этого несчастья не простит. Бойтесь тех, кого вы любите, а тех, кто вас любит, бегите, как черт ладана, ибо не простят они вам своей любви, как мне, мне ни разу не простили.

Я тогда маленькая была, а она старая уже, и между нами установилось то полное непонимание, которое каждой стороной толкуется, как редкостное доверие.

Прабабка моя забыла в Варшаве куклу

Прабабка моя забыла в Варшаве куклу.
Больше века прошло забыть бы ах нет же нет же
пусто в душе моей будто бы кто-то плачет
Брамса играет
я и улицы не спросила
не удержала в памяти ни приметы
дом крови не чувствует ибо сравнивали с землей Варшаву.
в общей могиле
похоронили людей и кукол фарфор и бархат

Разве же объяснишь прабабке? покойники дети:
только шумит в голове принеси мне куклу
мальчика с пепельными кудрями и рваной челкой
до коленок штанишки бархатные
манжеты
до кончиков пальцев фарфоровых
с голубыми
глазами ангела как бы в спешке
(мы уезжали в спешке безумной спешке)
личико не разбили
Ах был бы мальчик
голову бы ему разбили на баррикадах
сколько их там бархатных белокурых
с куклами вперемешку в цементе боли
цепком цейтноте смерти ждалось сошло распалось
на клубы страха там где сегодня клумбы
что тебе кукла?
А куклу жальче
может быть
если бы я не забыла куклу
если бы не уехала из Варшавы
не было ни войны ни смерти ни страсти ни страха
я бы качала куклу в огромном доме
в центре варшавы
может быть я бы ее разбила
кукла была немецкой

Ненависть звонче приязни стойче печали
крепче отчаянья
я бы сама разбила
бледный фарфор
с голубыми глазами
в смиреньи и страде

платье и плоти
метели смятении вальсе
в муке и радости в бели и боли но только
не в смерти ни в польской ни в русской
даже не в смерти немецкой.

что тебе панна простоволоса панна незванна
нет тебе ни дороги здесь ни подруги
куклу моя прабабка забыла в варшаве
больше века назад

Разговор

Ты что вчера делала?

Переводила с английского на французский на полоно-индийских встречах.

Смеется. Не верит.

Он переводчик. Он уже шесть лет переводчик, а я шесть лет его люблю. От этого он не переводит ни лучше, ни хуже. Не любит. Меня это удивляет, но привычно. Спокойное такое, тупое удивление. С такой же непоколебимой уверенностью я каждый раз удивляюсь вкусу мороженого.

Задумчиво тереблю мысль по слову, как тряпочку, разбарматываю, раздракониваю, по-щенячьи тяну, сказать-не сказать, что индия для меня это он, он, он там жил, или не жил, но рассказывал моей маме, какие слоны огромные, и какие слоны нежные, и хотел учить хинди, а выучил датский, вот ведь бывает,

и польша для меня тоже он, потому что поляки носят такие синие рубашки, почему-то именно поляки и именно синие, такие синие, что вызвончивают глаза, выгорают их без солнца, делают тело тоньше и воздушней,

и вдруг Каролина по мобильнику, ну ты что, обиделась, осторожно так, ласково, знает же, что я обиделась, я вообще обижаюсь нервно, вспыхиваю, переживаю, воображаю себя Екатериной Второй и снова делю Польшу, чтобы ни краюшечки не осталось, ни одного мальчика, ни мне, ни другим, вот она и спрашивает, неужели я снова а я говорю, тсссс, я с ним говорю, с кем это? с Миколушкой? нет, с ним, с Москвой, и тут у нее голос делается тонким и округлым, так только поляки умеют, на самых верхних нотах, тихой сапой подкрадываются, губки и бровки домиком, ну-вы-даете — с изумлением и упреком, и снова на неопределенно-русское вы, как будто мы не договорились, что на ты, как будто не пели кто в лес, кто по дрова, не прыгали по-деревенски по лужам, не устраивали пьянку славянской души, ну вы даете;

а догадалась, значит, что мне нравится Миколушка, и что поэтому я обиделась, но не знает, что он мне тихо так нравится, спокойно, как нравятся европейские мальчики, без выдури нашей, без издури, без выкручивания всего, что только можно выкрутить, в том числе и того, чего нельзя, как жилы, например, ну разве можно выкрутить жилы, да и руки заломить, если серьезно подумать, нельзя, и все это проносится у меня в голове, очень-очень быстро и я говорю, пока не испугалась, пока не передумала, говорю, тихо так, чтобы не услышал
?

Слышит. Ну чего ты, говорит, осторожно так, словно за подбородок берет, словно не голова у меня, а китайский болванчик, на сопле болтается и вот-вот оторвется, ну чего ты, говорит, ну ты же приедешь,

летом приедешь, мы гулять пойдем, и все эти вежливые мужские отговорки, польские раскраски, ох, как они их любят, мне вот и миколушка так говорит, и марио, и куба, хоть ему и тридцать шесть, но все равно говорит, ему, кстати, не совсем тридцать шесть, он закончил польскую семинарию в Париже, так что лет пять не считаются, они были заперты там, в закрытом заведении для мальчиков, так вот, и он тоже говорит так как с ребенком,

— Ну чего ты...

А я....

А странно, я вот смотрю на них на всех, таких разных, но глаза у меня всегда одинаковые.

о соловьях и розах

*я думаю, мой бог меня оставил,
он лесенку к моей душе приставил
и вышел вон, куда — никто не знает,*

(хор) ребенок розы в чепчике из роз
пришел твой час, и бог тебя принес
на монпарнасс, и бог тебя оставил
цветочницам своим на растерзанье
благословенна тайна мирозданья
о нежность о спокойное дыханье
заснувшего меж бедер соловья
учись дитя покуда жизнь проста
считать до ста не верить во Христа
играть в лапту до кончика хвоста
своей души бояться сна и смерти
как бабочка метаться в круговерти
исподних юбок — с чистого листа
любовные аферы начиная

ты одержим бесенком бытия
любя себя и сам себя не зная.
так ты перебираешь четки зол:
ты слишком горд, ибо твой бог ушел,
ты жадең, ибо он тебя оставил,
ты сладострастен, ибо бог ушел,
ты голодең, ибо твой бог ушел,
.....
*я пол и голодең я голодең и гол
о на кого же ты меня оставил?*

(хор) учись дитя свою тиранить плоть
то длинными иголками колоть
то распалить то растянуть то плавить
то ласковыми сверлами буравить
то заново иголками колоть.

разобран чепчик твой по лепестку
ты выучил и патер, и тоску
любовную и ласковые святки
кто о тебе гадал, тебя хотел,
кого твой соловей познал=воспел
кто помнит вкус твой, сладостный и сладкий,
мой женственный любовник-сомелье

ты столько перепробовал, ты в раж
входил и в рай, тебя мандраж
бил перед каждой женщиной и плавил
кость что должна была стоять как перст
о сколько роз ты посадил мон анж
о сколько жертв ты за спиной оставил
как — было время — бог тебя оставил
ну что же, ты прилежный ученик

russiancrazy

жив жив курилка жилось тебе двадцать лет
и двадцать еще умирать
а кажется умирать фееричней
а дальше некуда разве что в грязь лицом
нет ни кола ни двора ни мужа
чтоб колом в лоб катись себе колобок колобок
цепляется за подол словно чертополох говорит постой
отцепи меня я уже издох я такой пустой я почти монах
ты же чудная как турандот холодная как молох

в ямку бух господи кости ох
(хохот)
зубы влязг господи кости впляс
на золотом крыльце месяц да спас
под золотым крыльцом плесень да мох
чей это всполох господи чей это прах
краков в моей душе собор на крови

шла шла шла нашла села —
и рухнул собор в душе моей и никого наверное не позвать
встала опять пошла

1490: вторая корона Владислава Ягеллона

ангел мой ягеллон хладный лоб ладный стан ласточий нет на тебя
пикассо погубить искубить выкупить искупить боль мою ягеллон

кубарем пронестись по звóночкам позвоночника моего вынести память
из меня взять меня из футляра памяти джазовую розу ветров сыграть
во мне ягеллон

летопись моя триста лет порознь хоть топись не жизнь а судорога
голубая глина безумия голубая царская кровь были лилии в теле лилии
лопнули оказалось нет во мне никого и тебя во мне нет ягеллон

я тебя разлила по миру утренним молоком чтобы дети плакали в
колыбелях мертвые в каменных живые в соломенных мужчины
мужественность теряли женщины замирали в зрачках твоих ягеллон

я тебя вымолила у матери а у отца и спросить забыла вырастила срастила
с сердцем своим как плющ обвила продоль кости нет у тебя отца кроме
сердца моего матери кроме смерти моей лоб мой лобное место тебе
ягеллон

я говорила как страшно со мною спать мои следы просвечивают на свет
в костяном костеле я краков рифмую с кровью с бескоролевьем а ты ни
разу слышишь ни разу не скажешь мне про любовь а только про власть
и ласкаешь меня как егеря треплет уставшего пса ягеллон

я умею горбиться и грустить но не греться у очага в горсти мак и горох
прорубь во взгляде я говорю господи хорошо-то как но не прошу чтоб
бог длит мою жизнь в тебе и вне тебя ягеллон

снятся мне рыцарей муравьи женская тля тянется следом любишь ли
ты меня только сразу скажи не лги женщине лгать себе на погибель
если ты делишь с ней колыбель и стол мы с тобой делим постель и плетъ
верности ягеллон

Польский хор мальчиков

Польский хор мальчиков похож на биг-бэнд, маленькие джазисты,
шепчу я Каролине, посмотри, какие у них малиновые костюмчики, и
все они такие аккуратные, старательные, и потом, в джаз тоже
проваливаешься, как в молитву, как в забытье, нет, глубже, чем в
забытье, в беспамятство даже, в бесплотство, ах что ты говоришь,
шепчет Каролина в ответ, какое бесплотство, какое беспамятство,
когда тут сам министр агрикультуры Польши во плоти, давай
придвинемся поближе, и мы продвигаемся, переполненные музыкой,
мы несем ее, боимся ее расплескать, раздражаемся на нелепые
аплодисменты, и если бы не министр...

А в левом углу сидит кто-то очень знакомый, но я не могу его
узнать, слишком много лиц в последнее время, слишком много людей,
и я никого не помню, и никто не помнит меня, меня, меня не один
человек не вспомнит, если вот так встретится глазами в толпе

и растворяюсь в музыке, и чувствую свою бесплотность, и несусь
туда, туда, к от нескромных взглядов белым полотном отгороженному
алтарю, кричу, да вот же я, здесь, здесь, уцепившись за самую высокую
ноту, за треснувшее в последней ноте сопрано, да, видишь, я, я вишу
здесь, держусь за край этого вашего белого, да пустите же меня

и снова аплодисменты, и мы на шаг ближе к далекому алтарю, к
не менее далекому польскому министру агрикультуры, и
растроганная до слез Каролина берет меня за руку и так мы стоим, и
она шепчет, будешь мне сестрой, а я шепчу, да, и кажется, что еще
чуть-чуть, и мне никто и никогда не будет нужен, потому что есть
такие голоса, от которых щемит сердце, и сумасшедше, и страшно,
когда поют такими голосами,

но тут я снова упираюсь глазами в кого-то знакомого и осторожно
разглядываю, и судорожно думаю: обернись же, Куба-не Куба.

home sweet home

домой! в беспечные покои
в мараматический уют
в тот дом который джек построил
где плюти-плют и брагу пьют
ненастоящие герои

где плачет дочка короля
что беззастенчиво наследство:
полдня полцарства полконя
один чулок и три рубля
ни выйти замуж ни согреться

домой! в деревню в глушь в саратов
во земляничные поля
где труляля и траляля
верхом на добрых самокатах
дерутся из-за погремушки
она им верная подружка
и заводила и золя

где мы с валетом забубенным
галопом звонким одвуконным
во глубине сибирских нег
пьяны нелепы и бессонны
где страсть и смерть и грязь и снег
и рок-н-ролл — но вот дела

вечор алиса повзрослела
ей стали тесны зеркала

Jeszcze Polska nie zginęła

*Jeszcze Polska nie zginęła,
Kiedy my żyjemy.
Co nam obca przemoc wzięła,
Szablą odbierzemy.
Marsz, marsz, Dąbrowski,
Z ziemi włoskiej do Polski,
Za twoim przewodem
Złączym się z narodem.
Mówił ojciec do swej Basi
Cały zapłakany:
"Słuchaj jeno, pono nasi
Biją w tarabany."*

еще польска не сгинела
еще плоть не посинела
еще войско под обстрелом
подставляйте братцы грудь
жизнь оплаченная сводня
смерть вчера и смерть сегодня
смерть в верхке и в корешке
смерть ютится в вещмешке
и ластится в одеяле
смерть смеется из тарелки
и глазееет из картошки
выпьем с горя где же кружка
выжить проще пьяным в стельку
нам ли братцы быть в печали-
без-желанья-налегке?

вальс домбровский марш турецкий
за улыбкой полудетской
чечевится пустота
труляля и тратата
мы нашли в мешке кота
мы слегка самоубийцы
с белой лиличкй в петлице
мы несемся в никуда

белошвейки от шанели
мы без устали латаем
паровозы и сердца
нам не видно швов с изнанки
вам не видно швов с лица

заходясь стыдом и злостью
застегните братцы кости
как восторженный мундир
еще польска не сгинела
еще время не поспело
еще нас узнает мир

ВИНТАЖ

КАМЕРГЕР. Если это воспоминание доставляет вашему величеству даже малейшее огорчение, лучше не вспоминать. Умерших женщин лучше не помнить. Мертвая женщина — уже не женщина.

_____ *Витольд Гомбрович, «Ивонна, принцесса бургундская»*

(письмо)

прошайте светлый искуситель
прошайте светский обыватель
мой хлестаков вальмон жуан
анфан террибль адюльт шарман
а в общем баламут и нежить
которого хотелось нежить
и баловать и лаской плавить

когда б надежду я имела
быть вашей не душой а телом
хоть редко хоть в неделю раз
я вас...
люблю еще быть может.
я вас люблю (к чему лукавить?)

бес просится в ребро к сединам
по юности он много ниже
простим горячке юных лет
молитвы: пусть он ляжет ближе

...искать забвения в Париже
после того как мы в Москве...
и повторять сквозь сон как стон
уж не пародия ли он?!

прощай Евгений все пропало
и королева Амидала
и ее солнечный Набу
и Танька Ларина в гробу

В невинном городе моем

в невинном городе моем
где я и воин и покойник
гермафродит полубожок
где память рвется из ума
как изуродованный дольник
из нервной иноходи строк
где сердца сумрачный лесник
все долбит древесину ребер
надеясь выточить корабль
в котором боль пойдет на убыль
где мальчик поль то пел то плел
венки из клевера и плевел
то заходил по горло в пруд
где мальчик жюль то пил абсент
то жадно и по-детски плакал
и оба мучали меня
...мой ангел вспомни обо мне
даруй случайное прощенье...

Тот кто первый уходит в сон

Тот кто первый уходит в сон стоит на пороге сна несколько вечностей
пока облетят лепестки дня затяжелеет закружится голова наконец
парик мыслей слетит к ногам рассыпется белокурой копной
защекочет щиколотки прошелестит

а ты
пьян безумен тяжел
а ты

спишь забыв про нечленораздельную завязь тел сбившихся одеял
разметав радость свою дневную слышишь ли ты меня
там

где я менее чем эвридика и более чем песок
где я
на волосок от смерти забытия

где ты говоришь на другом языке
и я не знаю проснешься ли ты рядом со мной
тем же что был вчера

Господи, благослови того, кто запаздывает заснуть!

* * *

ты когда-нибудь целовала висельника? Прикол:
у него пульсирует бабочка между шейных жил
хочешь, пальцем ее прижми
пусть он вспомнит тебя, когда все остальное забудется,
словно жил
только эти секунды
ласков, нелеп и гол.
эта жизнь, которой цена — обол,
не имеет дольшей памяти,
чем любовь,
потому что любовь нарушение координации смерти,
когда ты вопреки всему остаешься жив,
на веревке страсти болтаясь, как колокольчик.
прокаженный памяти, накукуй мне час
беспощадной близости, так чтобы пели кости,
позвонок
бился сердцем, и рассыпались мысли —
а потом
выбивай смелее из-под затекших ног
табуретку жизни.

Toulouse

только бы переплыть реку, только бы переплыть реку,
только бы переплыть реку
твердит людовик, любовик, больной ребенок,
и начинаешь верить, что важно только
лишь переплыть ла-манш, что ла-манш не шире
притока сены, что крайняя точка пытки —
город тулуза, что крайняя точка плоти —
алиенора, рыжая алиенора.

Колыбельная

тебе бы ездить на деревянной лошадке
в далекие страны в смешном полосатом камзоле
со шпорами, что щекочат твои сумасшедшие пятки
хочешь я стану оруженосцем, всегда веселым,
буду расчесывать хвост деревянной лошадке,
ставить заплатки на полосатом камзоле
и щекотать твои сумасшедшие пятки?
мимо смердящих чащ и смешных ущелий
мимо льняных метелей и туч печальных
мчится лошадка мягко как в колыбели
чадо качает, чудесное чадо качает,
грезятся чаду чудища, чащи, ущелья,
снятся ему метели, метлы и дали,
сладко пяткам его спать во мчащейся колыбели.
мне качать его странно, светло и сладко.
боже, храни его сон, не зови лошадку.

финго фунго фанго

гленн миллерз бэнд играет раг-на-рок
в промежности между душой и джазом
о финго фунго фанго фрекен бок
мой пес издох, так выпьем горе сразу
и из горла — зачем безумцам кружки?
подайте, нелюдь, нищему душой —
он невозстановимо одинок,
он снова существует понарошку

как здорово, что все вы собрались,
друзья мои — вы призрачно-прекрасны
о даржелос, о финист-ясный-ястреб,
о гамлет о вальмон о эртебиз,
а помните, герои поневоле —
когда-то мы друг другу поклялись
не знать ни страха ни стыда ни боли

о финго фунго фанго как факир
я достаю пылающие буквы
из черного пустого рукава.
моя душа надменна и мертва
жизнь разобрав на случки и слова
она играет с позапрошлым в фанты,
на очень больно и не очень больно
и ее крошечная левая нога
лежит на вашей сумрачной ладони

«пусть я с вами совсем незнаком
и далеко отсюда мой дом
так станцую же снова
сам не знаю о чем
перуанское томное танго»
«после тревог
спят облака
спят метели, мотели и вензеля,
спят и сперма, и смерть моего короля,
спят и финго, и фунго, и фанго»

и как люди спят рядом?

повернись ко мне боль моя пожалуйста повернись лицом пожалуйста повернись ну хотя бы придвинься рысь моя мы срослись наверное я боюсь вправлять выбитые тобой позвонки (проведи пройдишь слепой рукой по хребту что ты чувствуешь касаясь меня?)

спи мне нечего рассказать тебе кроме того что боль имеет восемь голов и пятнадцать душ

и первая голова говорит люблю милую снимает через себя первую душу как плащ

а под ним вторая греческое лицо мраморные глаза повернись ко мне пожалуйста повернись мне холодно ну нельзя же лежать изломав тело но только бы не коснуться вроде как не солгать

а я лежу зажав между ног третью голову ее три души как иконостас которому я молюсь которого я боюсь повернись ко мне пожалуйста повернись а то не по-божески как-то не отвечать на

четвертая голова орфеева без души обнаженная как подснежник не знающая ни лжи ни нежности ни страсти ни памяти прозрачная как вода

а за ней пятая дадада пятая обращающая меня в камень как та которую отрубил персей живущая в нас голова чудища из змей и костей спи моя радость спи я буду тебе щитом

в нем отразится шестая черная голова и седьмая ее отражение повернись ко мне боль моя пожалуйста повернись чтобы я не видела этих лиц безо рта и глазниц как рыбы что плывут по левой стороне дна там где черный лед

где восьмая голова окруженная сонмом душ и среди них меня нет

повернись ко мне иначе я умру

о.

боль еле теплится в лампаде
в неопалимом ночнике
с изящным носиком из меди
с печальной вмятинкой в челе
приди ко мне гусарства ради
моя потасканная муза
моя погрызенная роза
голубка дряхлая моя!

мой позвоночник смят любовью
он грозно требует союза,
со-ития, со-бытия!
а ты безмолвствуешь лукаво,
чело зарывши в изголовье,
твой этот dolce stil nuovo —
таинственный, как эвфемизм,
как fin de siècle, как черный бархат —
молчать, не отвечать ни слова
на все проклятия мои!

красноречивы всплески тела
измученного недвиженьем,
блядинкой, пляшущей в крови-
развершимися кренделями —
то отмелью то польньей
но ночи созданы для бденья
и ангел нежного желанья
выписывает акварелью
проталины моих глазниц
hélas я выгляжу устало

о знал бы ты мой жадный зритель
читатель нудный и пристрастный
с какого тайного безумства
с какой постыдной недомолвки
с каких убожества да срама
я так изысканно пишу?

*** * * (на том краю неистойой земли)**

на том краю неистойой земли
на том краю неистойой печали
живет себе принцесса триполи
счастливая и ничего не знает
— ни смерти ни желанья ни боли
ни мелочного душевного стыда
отосланного в черное подполье
за полынью в глухую глыбу льда
ее души — не надо вам туда
ваш парусник сегодня на мели
молчите и молитесь о прощенье
и страшный сон и мертвый триполи
и женщину красивую до жженья
и женщину что думает о мщенье
и ворожит и дует на угли
и день за днем с собой ведет сраженья
на том краю неистойой земли

правда о жизни Дж.

*Отдаться на милость красивой внешности —
это худшее, что может сделать девушка!
Т.Уильямс, «Стеклянный зверинец»*

ромеофобно заговорить
осторожно разгрызть незнакомое имя
как драже

подкрашивать ребра краской
чтобы изящнее если вдруг без корсета.
когда-нибудь все равно придется раздеться

аэробус дыхания застыл в точке ню
раздувается словно рыба-еж
терпишь.
думаешь: надо же наконец решиться.

а он красивый.

сказать кормилице, что кормилица дура
мужчины пахнут медом и молоком а не хьюго боссом
молоком подкисшим
они не делают больно
только щекотно и мокро
у них нежная кожа
остальное страшилки для женщин

после ходить в кафе обсуждать кабуки
придумать фамилию капутекки
ломать каблуки

чувствовать себя взрослой почти замужней
очень красивой
балетная выправка за день
больно

millefeuille эмоций
mille nuits простраций
пирожные размороженно снякли
с перепугу залепетать по-французски

— ромео, солнце!

ломать трагедию в склепе

Собака Маньяна

Все о собаке павлова мол-де умница дура мученица
Невинная убиенная бедная жучка а у меня клыки
От зависти сводит ничего, что все выдраны
Русские жалостливее что ли воспели ее выпили за ее здоровье
А я собака маньяна а чем я собственно хуже мне ли менее больно?
Тоже любила выла обрела человечью душу
Отдала язык (легкие печень) может мордой не вышла?
Вкальвал мне абсент начинались муки
чудились кирзовые сапоги а я лизу его руки
почему собаки не сходят с ума сохраняют веру
девственность спины берегут для единственного кому позволяют гладить
делирий для бессловесной четвероногой лизы наивной твари
он мне склероз анестезия парез а я ему радость розы
а любовь асюсяй? Или только науки ради?

но она-то сука прославилась а меня забыли
там в собачьем чистилище уж я задам ей трепку
непременно средь белых лилий

Боже пошли мне безумного ангела и плотника в помощь

боже, пошли мне безумного ангела и плотника в помощь
мы построим корабль, уплывем так далеко, что и ты не вспомнишь,
не вспомнишь и не достанешь ни мором ни благодатью
господи у меня серебрянные глаза в наследство от матери
латунные медяки от отца в наследство
ты дал мне сердце
медяки я растратила, глаза выплакала, сердце разбила
плотник вгонит в меня каленые гвозди сожмет осколки
ангел подержит руки чтоб не дрожали
господи мне не будет больно я обещаю
обещай и ты что мне не будет больно

по кочечкам, по кочкам

по кочечкам, по кочкам,
в ямку бух!
раз-два теряю зрение и слух,
я постепенно обращаюсь в духа
с прозрачной раной на высоком лбу.

но жизнь не остановишь на скаку,
я бьюсь в ней, словно лебедь, рак и щука —
что так могу, и так еще могу —
я обретаю совершенство звука.
мой тихий ангел, слышишь, я пою?

Кишинеу

а мы с тобой когда-нибудь уедем
в таинственный вишневый кишинеу
где какаду и бурые медведи
танцуют восхитительный чарльстон
ты будешь равнодушен пьян и беден
тянуть замысловатые коктейли
за веером из страусиных перьев
небрежно прятать скучное лицо
я буду акробат и провокатор
и будет нервно-нем мой конь крылатый
взведенный подо мной хребет канатный
над торопливой детской колыбелькой
в которой мы баюкаем кота

Пасха в Париже

отварить яйца отворить вены
окропить яйца красной вен
заходишь сердце заходи первый
гость в мою клетку коротать сон
предсердечный вещей собирать вещи
будто ранним утром мы из тела вон

метафизический поезд

в час ровно отходит пригородная электричка
в час ноль пять душа разомкнется с телом
разминется на полминуты
в час ровно отходит пригородная электричка
за полминуты до этого ты выйдешь
пойдешь супротив турникетов
современных ветряных мельниц
под гневные окрики билетерши
доедешь до Юго-Западной
смущенно выйдешь наружу
поймаешь машину
в час ровно отходит пригородная электричка
в час ноль пять душа выйдет из левой пятки
поднимется до колена
застрянет
в час десять застенчиво двинется дальше
(машина сворачивает на Университетский)
прямо
прямо
мимо желудка
мимо магазина Джамбо
(здесь я когда-то занималась русским
но ты не знаешь)
дальше по ребрам
на дм. ульянова
мимо сердца за светофором
правее прямо
к горлу
мне душно
будь у меня собачка я пошла бы гулять с собачкой
попыталась бы продышаться
хотя бы откашляться
ты выходишь у моего дома
путаешься в подъездах
подходишь наконец к двери
у меня холодеют пальцы
(в такую минуту думаешь: к чорту рифмы)
код четыреста восемнадцать
семнадцать
шестнадцать
я сглатываю неуверенно облегченно
душа захлебывается
кубарем вместе с сердцем несется к пяткам

у меня подкашиваются ноги
ты не уехал
я не бросилась под метафизический поезд
все в порядке

ЕВГЕНИКА

— В каждой сказке есть крупица истины, — тихо сказал ведьмак. — Любовь и кровь. В них могучая сила. Маги и ученые не первый год ломают себе над этим головы, но поняли только одно...

— Что, Геральт, что?

— Любовь должна быть истинной.

А. Сапковский, «Ведьмак»

— Да, было, — сказал Вольф, — а потом переставало быть, поскольку я находил пошлым горевать и не умирать от этого уставал быть пошлым.

Б. Виан, «Красная трава»

1

ее душа звалась евгений
она росла в ней равнодушно
неотраженно как копые
медоточиво нежно скучно
играла в прятки билась в пятки
и вырастала из нее
как из подгузников ребенок

она неясно ощущала
второй смещенный позвоночник
он ей неловок и велик
и ставила себе диагноз
звонкоголосый сколиоз
и отрешенно обводила
рукой свой призрачный кадык

ее душа была мужчиной

они встречались впопыхах
меж полусном и полуявью
между подвязкой и бедром
а после грудь кровоточила
необъяснимым серебром
корсет вздымался кораблем
и сердце ходуном ходило

2

то тело где скучал евгений
невинно было и нежно
княжну что днем его носила
татьяной звали или ксений
читателю узнать не время
а может быть и не дано
скажу лишь, что она любила

она не видела его
а лишь угадывала контур
(высокий и худой блондин)
когда он трепетно-покорный
из ее чрева выходил
и медленно ложился рядом

она гадала о тоске
по златокованным ресницам

светло-сиреневому рту
(безумна божия десница
он снится маме мне не снится)
и накрывала пестрым пледом
его срамную наготу

3

душа не самых честных правил
он мнил расстаться с ней. моя
красавица кричала
так, будто бы его рожала
и не пускала, не пускала!
потом, светло и обреченно,
как будто бог ее заставил
велела: выйди из меня

4

она сшивала вместе воздух
и тело бедное свое
чтоб не распалось мирозданье
крестом спасительным крестом
и черное очарованье
то ожиданья то страданья
копилось на лице пустом
уродливым сугробом струпьев

а он меж тем гулял и пил
и трахался напропалую
и милосердный свет решил
что он умен и очень мил

5 (письмо)

я к вам пишу чего же боле
любовь эррозия покоя
и парафраз на сам дурак
все белится лукерья львовна
все то же лжет любовь петровна
какой кабак какой дурдом
ах сердце сердце самобранка
печет и мечет рвет и мечет
все верит в чудное спасенье
и ваша тая ваша ксения
все ходит по цепи кругом

мон анж! наверно вы довольны
я вам смогла не быть обузой

не умерла не стала музой
и даже не сошла с ума

я ни во что не верю больше

я полумесяц полуптица
позаростай позасердец
я полутеньше полутоньше
я польня полумертвец
побудьсомной но есть надежда

я завтра уезжаю в польшу
я завтра забываю прежде
мой путь один сплошной синяк
меня там ждет витражный воздух
вишневый сад тупые розги
заляпанная кровью простынь
быт разномастный и громоздкий
и муж лысеющий поляк

Звук и знак. Элина Войцеховская 3

1А (0 — Шут)	8
1Б (перевернутый Шут)	8
2 (1 — Маг)	8
3А (2 — Папесса)	8
3Б (Перевернутая Папесса)	8
4 (3 — Императрица)	9
5 (4 — Император)	9
6 (5 — Верховный жрец)	9
7 (6 — Влюбленные)	10
8 (7 — Колесница)	10
9 (8 — Правосудие)	10
10А (9 — Отшельник)	11
10Б (перевернутый Отшельник)	11
11 (10 — Колесо Судьбы)	11
12 (11 — Сила)	11
13 (12 — Повешенный)	12
14А (13 — Смерть)	13
14Б (Перевернутая смерть)	13
15 (14 — Воздержанность)	13
16А (15 — Дьявол)	13
16Б (перевернутый Дьявол)	14
17 (16 — Башня)	14
18 (17 — Звезда)	15
19 (18 — Луна)	15
20 (19- Солнце)	16
21 (20 — Суд)	16
22 (21 — Мир)	17
23 (Расклад)	17
24 (te absolvo)	17
P.S. Начальнику хора.	18

tippi fissi

la vie en grise	20
Баккародрама	21
Господь чай гоняет в марте	22
Канатоходец и дева	23
Скрипка Энгра	24
Tippi Fissi	25
Прага-Вена-Венеция	28

Свадьба в Париже	30
Гуси-лебеди	32
Love Story	33
au clair de la lune	35
Дуэтом	36
sic transit Gloria	37
p.s.	38

фуэте мозгов

Икона	40
Письма	41
Сонник	42
Синхрофазотрон	44
Анна	46
«шепчешь: будь осторожна, там гололедица...»	48
Стансы кита	48
Jazzuela	49
Sub tuum praesidium confugimus	50
Once upon a beer in my bedroom	51
Ка-ге?	52
мон генераль	54
Элейн	55
овод	56
Прогулка	57
Анна Болейн	58
T.Уайетт, зазеркальный белый заяц	60
P. S. Кот в мешке	62

tivoli

Английская баллада для Кати	64
the sleeper	65
Фан-фан la tulipe	66
tenerezze	67
Impression du matin	68
apologia pro vita sua	69
all that jazz	70
everyday	71
castanos y castanuelas	72
Мария	73
Юдифь	74
я бесанулась ночью в три часа	75
amorevolmente	76
dies irae	77
идет бычок, качается... ..	78
Чайльд Роланд	79
Средневековье	80
Дэвиду Дэнду, человеку и канадской яхте	80
сказание о лисе	80

De profundis	82
Porphiria`s lover	83
про Емелю	84
Сад	85
P.S.	86

Радуйся ладо	88
Metissage culturel	89
*** (русский в парижке...)	91
*** (to Bartek Remisko)	92
Польскому другу	93
«Ты глупая...»	94
Жарлин	95
«а боль поет изо всех щелей...»	96
«Теория визуальной поэзии...»	97
как владислав одонич изгоняется из своего тела	99
С поляком в Париже	100
Праправнучка Ягеллона	102
Прабабка моя забыла в Варшаве куклу	104
Разговор	106
о соловьях и розах	108
russiancrazy	109
1490: вторая корона Владислава Ягеллона	110
Польский хор мальчиков	111
home sweet home	112
Jeszcze Polska nie zginela	113

винтаж

(письмо)	116
В невинном городе моем	117
Тот кто первый уходит в сон	118
«ты когда-нибудь целовала висельника? Прикол...»	119
Toulouse	120
Кольбельная	120
финго фунго фанго	121
и как люди спят рядом?	122
О.	123
*** (на том краю неистойой земли)	124
правда о жизни Дж.	125
Собака Маньяна	126
Боже пошли мне безумного ангела и плотника в помощь	127
по кочечкам, по кочкам	128
Кишинеу	129
Пасха в Париже	130
метафизический поезд	131

евгеника

.....	132
-------	-----

Литературная серия **poesii.net**
Составитель серии Светлана Бодрунова

Ксения Щербино
ЦИНИЗМ ПРОПОРЦИЙ

Стихотворения

Книга выходит в авторской редакции
Верстка С.Бодруновой

Издательство «Геликон Плюс»
Издательская лицензия №065684 от 19.02.1998.
Подписано в печать 23.03.2005. Формат 70x100/32.
Гарнитура OfficinaSerif.

Отпечатано в типографии издательства.
Санкт-Петербург, 1 линия В.О., 28.
e-mail: az@sp.ru, <http://www.helicon.spb.ru>